

РУСОФОБИЯ

ЕЛЕНА ВЛАДАРЧУК

18+

Елена Владарчук

Русофобия

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Владарчук Е.

Русофобия / Е. Владарчук — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Неожиданно для самой себя я оказалась вовлечена в международную операцию по расследованию убийств. Меня отправили в Нью-Йорк, где опасно находиться русским туристам. Но присутствие рядом немногословного агента ФБР вселяет уверенность – вместе мы всё преодолеем. Или нет? Автор обложки Кристина Серкова.

© Владарчук Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

2 августа	5
3 августа	9
6 августа	10
7 августа	12
8 августа	18
9 августа	23
10 августа	29
11 августа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

2 августа

Нью-Йорк, Центральный парк

6.30 утра

Проблесковые маячки полицейских машин наполняли субботнее утро тревожными всполохами. Много полицейских никогда не сулит ничего хорошего. Агент Федерального бюро расследований Майкл Фэйссобер припарковал свою машину рядом с морем бело-голубых огней. Он выключил зажигание, и некоторое время смотрел через лобовое стекло на чернокожего полицейского, приподнимающего жёлтую ленту для спешивших на место преступления криминалистов. В боковое стекло постучали. Майкл нехотя нажал кнопку стеклоподъёмника, открыв круглое краснощёкое лицо в полицейской фуражке.

– Агент Фэйссобер? Мы ждём только вас.

Майкл, шурясь, вышел в солнечное утро, обещавшее хороший денёк, если бы не труп, ожидавший его на зелёной лужайке Центрального парка.

Толстяк протянул Майклу руку:

– Детектив Грисби, полиция Нью-Йорка.

Мужчины отправились к месту преступления, по пути Дэн Грисби рассказывал о случившемся:

– Парочка на неё наткнулась. Пока тепло, тут часто с пледами по ночам гуляют. Так эти влюблённые, пока сообразили, что к чему, в крови жертвы перемазались с ног до головы. Патрульные их приняли за маньяков-каннибалов, – он усмехнулся, – и на всякий случай арестовали.

Чернокожий сержант приподнял жёлтую заградительную ленту, и перед Майклом открылось место преступления.

Толстяк Грисби вряд ли преувеличивал, когда говорил, что парочка вымазалась с головы до ног, так как крови здесь было предостаточно. Трава стала бурой и блестяла. Посреди этого маслянистого пятна на расстеленном покрывале лежало женское тело. То, что от него осталось.

Женщина-криминалист, изучавшая жертву, обернулась на звук шагов.

– Резал, пока была жива, – сообщила она подошедшим Майклу и детективу Грисби. – Привет, Майк.

– Иисусе! – Дэн Грисби перекрестился и отправился обратно на свой пост.

Майкл кивнул в ответ на приветствие Сары Коннел, с которой был знаком ещё со времён Академии, и присоединился к осмотру.

– Белая, около 30 лет, – Сара вводила Майкла в курс дела, – судя по количеству крови, всё произошло здесь, часа 2,5-3 назад.

Маньяк, а в том, что это маньяк, сомнений не оставалось, поработал на славу: привязав жертву за руки и за ноги к вбитым в землю металлическим крючьям, он поочерёдно отрезал ей конечности по локтевым и коленным суставам.

– Она была в сознании? – спросил Майкл.

– Скорее всего, видишь разрезы рваные? Но точно скажу после экспертизы. Да уж, досталось бедняжке, – добавила она сочувственно.

Судмедэксперты упаковывали останки, чтобы отвезти в полицейский морг.

– Эй, Майк, – позвала Сара, – погляди-ка.

Майкл подошёл к ней.

Сара приподняла край покрывала:

– Это флаг.

Сквозь кровь можно было разглядеть три разноцветные полосы, расположенные горизонтально: белую, синюю и красную.

– Вот чёрт! Только не говори, что она русская.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке

9.00

– Наша русская девушка – по всем новостным каналам. – Шеф был раздосадован и не скрывал этого.

– Это ещё ничего не значит. – И Майкл, и шеф знали, что это не так.

– Ты это скажи русским, когда они начнут задавать вопросы. А они начнут, как только всплывёт их флаг. А он всплывёт! Эти проклятые русские всегда всё разнохают. – Он в отчаянии ударил кулаком по столу. Это дело могло стоить ему карьеры.

– Да уж, с русскими всегда непросто.

– Учитывая сегодняшнюю ситуацию, потребность трясти яйцами, сравнивать длину и другие умные поступки администрации президента? Это может стать катастрофой, и ты это знаешь. Найди этого гада, Майк.

Агент Майкл Фэйссобер служил в ФБР почти шесть лет, повидал он многое. Но от этого убийства слишком остро несло политическим дерьмом. Тем самым дерьмом, которым сейчас были полны телевидение и СМИ. Все Соединённые штаты разделились на два непримиримых лагеря: русофобов, которые вопили на всех перекрёстках, что русских нужно бомбить, иначе они сами начнут забрасывать нас ядерными бомбами, и тех, кто поддерживал русских, сочувствуя им и обвиняя первый лагерь в несправедливых нападениях.

Майкл не думал, что русские намерены развязать очередную мировую войну. Но то, что они сейчас терпели и снисходительно сносили всё более агрессивные нападки мирового сообщества, возглавляемого США, заставляло задуматься – насколько ещё достанет их терпения?

Если это единичное убийство, то некоторые факты можно будет скрыть от прессы, чтобы избежать скандала. Но Майкл был почти уверен, что эта русская девушка – лишь первая жертва. Убийца ищет славы и не станет долго её ждать.

– Я найду его, сэр.

Когда за Майклом закрылась дверь, шеф поднял телефонную трубку. Ему предстояло доложить о случившемся своему руководству, и в данный момент Джереми Батлер предпочёл бы вернуться в начало своей карьеры, когда ему приходилось патрулировать улицы.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке

12.00

Первым делом агент Фэйссобер обратился к базе данных преступников, которую ФБР создавало и регулярно пополняло с самого момента своего появления. А с конца девяностых годов, когда даже старую информацию начали активно оцифровывать, эта программа стала незаменимым подспорьем в розыске маньяков всех мастей на территории Соединённых штатов Америки и соседних стран.

Поиски оказались бесплодными, из четверых преступников, имевших сходные криминалистические характеристики, трое давно были мертвы, а один отбывал пожизненное заключение в тюрьме штата Невада.

Телефонный звонок прервал размышления Майкла.

– Майк, – звонила патологоанатом Энни Уорхолл, – ты заедешь или дождёшься отчёта?

– Сейчас буду.

Майкл не любил передвижения по городу в час пик, как и все остальные автовладельцы Нью-Йорка. Казалось, до ближайшего перекрёстка несколько миль, а светофор включает красный, как только на него взглянешь. Стараясь не раздражаться, Майкл отвёл глаза. С огромного неоновое панно на него смотрела известная русская фотомоделль, которая рекламировала духи не менее известного бренда. Впрочем, это фото могло быть рекламой любой косметики,

девушка была необычайно красива – яркие глаза, сияющая кожа, блестящий водопад волос. Майкл слышал всеобщее убеждение, что русские женщины очень красивы. Интересно, а ТА русская тоже была красивой? – внезапно пришло ему в голову. Он попытался представить молодую женщину, которая приехала в Нью-Йорк – о чём она мечтала? Чего хотела добиться? Какую одежду предпочитала? Какая разница, теперь это лишь расчленённый труп в морге. Майклу вдруг стало неловко от собственных мыслей. Загорелся зелёный свет, и сзади раздался нетерпеливый гудок. Агент Фэйссобер нажал на газ.

Энни Уорхолл ждала его, чтобы рассказать, как умирала русская девушка.

Лафайет стрит

20.30

Зайдя в квартиру, Майкл бросил ключи в широкую деревянную вазу и отключил сигнализацию. Эти привычные действия и привычные звуки всегда помогали ему расслабиться, подтверждая, что он дома. Но сегодня было ещё кое-что – большой жёлтый конверт, в котором лежали фотографии с места преступления. Конверт не был запечатан, поэтому, когда агент Фэйссобер бросил его на стол, фотографии рассыпались, демонстрируя кровавые подробности этого дела.

Майкл почти не сомневался, что национальность жертвы неслучайна. Учитывая ненависть, разжигаемую правительством США по отношению к России, драки и нападения на русских были лишь вопросом времени. Но такая жестокость?

Майкл разложил фотографии на кухонном столе. Все снимки объединяла цветовая гамма, она была неизменно красной, как бывший флаг Советского Союза. Почувствовав подступающую тошноту, агент Фэйссобер вспомнил, что сегодня он даже не пообедал. Осмотр места преступления, допрос свидетелей, отчёт патологоанатома в городском морге, страдания шефа, ожидающего катастрофы, – день выдался бесконечным, и о еде как-то не вспомнилось. Майкл двинулся на кухню, но в этот момент в тишине квартиры резко зазвонил телефон. Майкл хотел проигнорировать звонок, но передумал – вдруг появилась новая информация по делу. Номер был незнакомым.

– Агент Фэйссобер, – сказал он в трубку.

– Привет, Майк, – раздался в ответ голос его бывшей жены.

Чёрт! Надо было сразу же отключить телефон.

– Здравствуй, Кэрол, – в виске привычно задёргало, как и всегда при разговоре с ней после развода, впрочем, это началось за несколько месяцев до окончательного расставания.

– Я только что уложила Полин спать, она всё ждала тебя и спрашивала, почему папа не пришёл сегодня. Снова. – Наверняка Кэрол сейчас прищурила глаза и сжала губы. Каждый раз, когда она отчитывала Майкла за его многочисленные промахи, заключавшиеся в основном в его отсутствии, у неё на лице появлялась знаменитая «гримаса Кэрол».

Майкл тут же вспомнил о данном дочери обещании сводить её в зоопарк. Полин теперь жила с его бывшей женой и её новым мужем за двадцать два квартала от дома Майкла. Они встречались два раза в месяц по выходным, если он не работал. А подобное в последнее время случалось часто. Впрочем, так было всегда. Поэтому его брак и дал трещину. Через несколько дней Полин исполнится пять, не забыть бы купить ей подарок.

– Я работал, – конечно Кэрол услышала оправдательные нотки в его голосе и поспешила усилить давление.

– Ты мог позвонить, Майкл! Ты мог предупредить её. И меня.

Кэрол положила трубку, не попрощавшись. Хотя это уже было не важно, чувство вины пустило ростки в его душе, щедро политое ядом Кэрол. Как он мог забыть о своей дочери?

В холодильнике было также тоскливо, как и на душе. Несколько коробок с остатками китайской еды двух или трёхдневной давности. Поставив всё это на стол рядом с фотогра-

фиями с места преступления, Майкл нашёл новую упаковку палочек и принялся за еду, рассматривая снимки. Мёртвая русская девушка, расчленённая на залитом её кровью флаге её страны. Недвусмысленное послание. Бросив пустые коробки из-под еды в мусорное ведро, Майкл отправился в спальню. Он уснул через несколько мгновений, после того как его голова коснулась подушки.

3 августа

Нью-Йорк

6.35 утра

Звонок мобильного телефона прорвался сквозь сон, ещё не проснувшись, Майкл понял, что случилось.

– Агент Фэйссобер.

– Ещё одно убийство. Клермонт-парк. Подъезжай со стороны сто семьдесят второй улицы.

– Сейчас буду.

Майкл отключил телефон и уткнулся в подушку. Вот оно и началось. Впрочем, ещё оставалась слабая надежда, что эти случаи не связаны. Но тогда ему бы не позвонили.

В семь утра пробок ещё не было, поэтому Майкл добрался быстро. Уже на подходе он понял, что надежда не оправдалась. Это место было слишком похоже на вчерашнее. С той только разницей, что флаг не был расстелен под обнажённым телом. Маленький сувенирный флажок гордо развевался на флагштоке, закрепленном в черепе жертвы.

– Русский? – Спросил он у сержанта, хотя и так знал ответ.

6 августа

Москва, Смоленская-Сенная площадь
16.20

То, что моё начальство вызывало меня в кабинет своего начальства, вряд ли сулило что-то хорошее. Я уже догадывалась о теме беседы, потому что эта тема обсуждалась во всех выпусках новостей всех каналов всех государств последние четыре дня. Но, что могло потребоваться от меня, рядового специалиста – консультанта по международным отношениям в Министерстве иностранных дел Российской Федерации? Я нервничала, руки потели, приходилось тайком вытирать их о новый костюм. Я придирчиво осмотрела себя в зеркальных панелях кабины. Русые волосы уложены «ракушкой», серо-голубые глаза подчёркнуты тушью и подводкой. Фигура стройная. Ноги кажутся длинными в туфлях на высоком каблуке. Привлекательная двадцатисемилетняя женщина, уверенная в себе. Надеюсь. Я снова вытерла ладони о юбку и пригладила волосы.

Спустя несколько секунд лифт остановился. Мне показалось, что слишком быстро. Возле двери нужного мне сто третьего кабинета стояла охрана. Люди в чёрном. У меня вырвался какой-то нервный смешок. Надеюсь, они не заметили. Я напряглась ещё больше, потому что не знала, как мимо них пройти. Но один из чёрных костюмов решил эту дилемму, открыв передо мной дверь.

Несмотря на то, что работала я на Смоленской уже пятый год, выше десятого этажа я не поднималась. И в кабинете Григория Сергеевича Иванова, начальника моего непосредственного начальника Константина Петровича Ефимцева, никогда не была. Меня здесь уже ждали. За большим столом сидели пять человек: Ефимцев, Иванов, Кристина Михайловна Бородина – действительный государственный советник и два незнакомых мне генерала, один из которых занимал кресло во главе стола. Хозяин кабинета уступил своё место, отметила я для себя.

– Здравствуйте, – я остановилась в дверях, не зная, что делать дальше.

– Садитесь, Лилия Александровна, – Ефимцев держался делового тона, хотя у нас в отделе называл всех девчонок по именам. Я села на указанный стул в основании стола, положила руки на колени, скромно опустила глаза и стала ждать.

Рассматривали меня довольно долго. И первый вопрос был адресован не мне.

– Вы уверены, Константин Петрович? – Судя по направлению звука, генерал.

Я подняла взгляд, что скажет мой непосредственный руководитель. Ефимцев тоже посмотрел на меня.

– Думаю, что да, – он вроде как попробовал одобрительно улыбнуться мне, вот только у него не получилось.

– Что значит «думаю»? Вы, Константин Петрович, понимаете, чем нам грозит провал?!

– Евгений Викторович, если бы я знал, где поскользнусь, соломки бы подстелил. – Ефимцев тяжело вздохнул и дальше говорил, глядя на меня. – Лилия Берегова, на мой взгляд, соответствует всем требованиям для выполнения этого задания: у неё отличный английский, высокий интеллект, аналитический склад ума, хорошая реакция, нетривиальный подход. Конечно, у неё нет полевого опыта, но это ведь не шпионское кино. Она должна проанализировать сложившуюся ситуацию и доложить нам, если я правильно понял.

Генерал кивнул, задумчиво меня разглядывая.

Боже, что они от меня хотят? У меня заколотилось сердце. Да, приятно, когда твоё начальство хвалит тебя перед своим начальством. Но что-то мне подсказывало, что в данной ситуации мне это ничего хорошего не сулит.

– Лилия Александровна, я генерал-полковник Добровольский. Это, – он показал на второго генерала, – генерал-лейтенант Певцов. Мы позвали вас сюда, потому что Константин Пет-

рович дал вам наилучшую характеристику. Нам нужен человек, который отправится в Америку и проанализирует существующую ситуацию с жестокими убийствами граждан Российской Федерации. В данном случае я не могу вам приказывать, поэтому спрашиваю вашего согласия.

Он выжидающе уставился на меня. Я открыла было рот, но он меня перебил.

– Наши люди в Соединённых штатах уже дали свои оценки ситуации. Но проблема в том, что ФБР не подпускает российских специалистов к материалам следствия. Они согласны допустить нашего человека к участию в расследовании, но только гражданского. Эти требования, конечно, разумны, но причиняют нам некоторое беспокойство. Сами понимаете, своих ребят я светить не хочу, им ещё там работать. А вы лицо, так сказать, незаинтересованное. К тому же командировка в Нью-Йорк полностью за государственный счёт, а когда расследование закончится, вы сможете остаться там ещё на несколько дней, отдохнёте посмотрите достопримечательности. Так сказать, устройте себе внеочередной отпуск.

Он расписывал эту поездку, как ярчайшее приключение в моей жизни. Но я уже поняла, что это не предложение, а завуалированный приказ, от которого в нашей стране не отказываются, если не хотят неприятностей. Но лететь в далёкую Америку, где ежедневно убивают русских, было откровенно страшно.

На помощь мне пришёл Константин Петрович:

– Разумеется, она согласна, ведь такой шанс выпадает крайне редко, не правда ли? – Он выделил интонационно последнее слово и вопросительно посмотрел на меня, с намёком приподняв брови.

Я кивнула и взяла себя в руки:

– Конечно, я согласна. – Это действительно был редчайший шанс, правда не только продвинуться по служебной лестнице, но и попасть в заголовки новостей в качестве очередной жертвы маньяка-русофоба, как прозвали его средства массовой информации.

В восемнадцать часов у меня обычно заканчивался рабочий день, а сегодня в это время я уже открывала дверь своей квартиры. Своей, потому что после развода Славик, мой бывший муж, оставил квартиру мне вместе с наполовину выплаченной ипотекой. Проявил благородство, но вывез всю технику и чиппендейловскую мебель, под которую мы сделали ремонт в прошлом году. Два месяца назад мы оформили развод после четырёх лет брака, и я стала единоличной владелицей пустой отремонтированной под английский классицизм однокомнатной квартиры в новостройке на окраине Москвы. А мой бывший супруг с чиппендейлом, телевизором и стиральной машиной переехали в центр к моей бывшей подруге детства.

Спасибо создателям «Икеи», мне было, где спать и на чём есть. Я уже почти привыкла к сочетанию несочетаемого, к одноразовой пластиковой мебели в классическом интерьере, к возвращению девичьей фамилии, к молчаливым вечерам и одиночеству.

В министерстве мне уже забронировали билет на первый утренний рейс до Нью-Йорка, оставив один вечер на сборы и прощание с родиной. Впрочем, этого мне было вполне достаточно.

7 августа

Москва, аэропорт Шереметьево

8.00

До посадки оставалось полчаса. Любезнейший Константин Петрович решил проводить меня в дальнюю дорогу и дать последние указания. Я с трудом слышала, что он мне говорит: «иностранные партнёры», «ответственное задание», «честь государства», «ежедневные отчёты». Я же вспоминала, как мы со Славиком летели в совместный отпуск на Кипр. Это было в первый и последний раз. Когда самолёт поднялся в воздух, в салон вышла стюардесса и приятным голосом сообщила, что мы летим на высоте девять тысяч метров. Я выглянула в иллюминатор и увидела белые облака. Далеко-далеко внизу. И вдруг поняла, что между мною и девятью километрами пустоты – всего лишь тонкий лист металла. Это была настоящая паника. Я почувствовала, как она начинает охватывать меня и сейчас. Поднимаясь в самолёт, разыскивая своё место, укладывая сумку, я ощущала, как меня заполняет панический страх. Господи, как я боюсь летать! А впереди ещё долгие десять часов.

Нью-Йорк, аэропорт имени Джона Кеннеди

7 августа

14.00

Нью-Йорк встретил меня солнечным днём, несмолкаемым шумом, небоскрёбами, но главное, что всё-таки встретил. Этот жуткий, нескончаемый полёт остался позади. А ещё меня встречал представитель консульства. Хорошо, что предупредил Константин Петрович. Это было странно, увидеть своё имя, написанное кириллицей в англоязычном городе.

Встречающий оказался высоким и тучным мужчиной, лет тридцати пяти. Когда я подошла и назвала себя, он пожал мне руку.

– Сергей Иванов, – представился он.

– Вижу, вы уже давно в Америке, – русские мужчины ещё никогда не пожимали мне руку.

– Так заметно? – Он улыбнулся, продемонстрировав высококлассную работу американских дантистов. – Вообще я практически вырос в Штатах. У меня оба языка родные.

Он помог мне получить багаж и выйти из здания аэропорта. Не уверена, что справилась бы самостоятельно, мне всегда с трудом удавалось разобраться в хитросплетениях этих лабиринтов.

– Сергей, пока мы едем до консульства, расскажите мне про эти жуткие убийства.

Он слегка замялся:

– Мы едем... эээ... в другое место... Вам там будет удобнее...

– А мне сказали, что я буду жить при консульстве, или нет?

– Дело в том... Создавшаяся ситуация... эээ... весьма щекотливая... Понимаете, Лилия...

Я ничего не понимала, и поэтому молчала, предоставив ему самому объяснить ситуацию.

– Понимаете, Лилия, правительство Соединённых штатов и власти штата Нью-Йорк в частности находятся в очень непростом положении. С одной стороны – это политическое противостояние, которое заставляет оценивать нашу страну сквозь призму негативных отношений, а с другой стороны – эти страшные убийства...

– А я думала, «русские на войне своих не бросают».

Он криво улыбнулся:

– Вы же понимаете, что это вовсе не война. И тем не менее ситуация в русскоязычной среде складывается критическая. Началась активная эмиграция и волнения в массах. Чтобы избежать кризиса, правительство прилагает все усилия. И ваш приезд тому подтверждение.

– Я не суперагент.

Он снова криво усмехнулся.

– Я понимаю вашу иронию, но, поверьте, сотрудники полиции и оперативники ФБР являются высококвалифицированными специалистами. И американская сторона особо настаивала на отсутствии специальной подготовки у наблюдателя, поскольку ваша миссия состоит исключительно в том, чтобы быть объективной, курировать процесс расследования и докладывать в Москву. Никаких самостоятельных шагов, вы только наблюдаете и не вмешиваетесь. Лишь при исполнении всех требований ФБР согласно поделиться материалами дела. Наше министерство характеризовало вас как сообразительного и исполнительного сотрудника, значит, проблем возникнуть не должно. Поверьте, договориться о сотрудничестве было не просто, постарайтесь всё не испортить.

Не испортить тебе карьеру! Подонок, настоящий подонок. Вот с такими белозубыми улыбками чиновники и продают нашу многострадальную родину. По кусочкам. Или за кусочки. И плевать им, что гибнут невинные люди.

– Чтобы избежать влияния на вашу оценку событий, которая должна быть абсолютно беспристрастной, консульство никоим образом не будет вмешиваться, – продолжил он. – А жить вы будете в прекрасном отеле, в самом центре Манхэттена.

– А разве все убийства произошли не на Манхэттене? – Но Сергей Иванов сделал вид, что не услышал меня.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке.

14.00

Шеф разговаривал по телефону и лишь кивнул на стул в ответ на приветствие Майкла.

Ночью убили ещё одного русского, старика с изувеченными артритом суставами. После второго убийства, когда СМИ подняли шумиху и нарекли маньяка Русофобом, он ненадолго затих. Выжидая. Накаля обстановку. Заставляя русских дрожать от страха. Сотни человек уехали на родину или ещё куда-нибудь, подальше отсюда. Туристы сдавали билеты. Студенты прерывали учебный семестр.

И всё же нашлись те, кто оправдывал действия Русофоба. Чего стоило выступление президента на телевидении: «Мы выражаем свои сожаления русскому народу. Призываем американцев не допустить геноцида в своей стране. Но напоминаем, что именно агрессивная политика правительства Российской Федерации привела к возможности возникновения этого прискорбного инцидента».

Последнюю неделю агент Фейссобер мало спал, из-за чего росло ощущение ирреальности происходящего. Несмотря на то, что ФБР подключили к расследованию, приказа мобилизовать все ресурсы так и не поступило. Ведомства, в которые отправлялись запросы, не спешили с ответами, как и Российское консульство, с помощью которого Майкл надеялся установить личность жертв, тянуло с предоставлением информации.

Майкл приложил ладони к глазам и крепко зажмурился. Надо будет выпить ещё кофе.

– Майк, – шеф положил трубку и повернулся к нему, – это не моё решение и мне оно не слишком нравится, но отказаться мы не можем, сам понимаешь дело политическое, обстановка в мире напряжённая, чтоб её.

Шеф никогда не обсуждал с подчинёнными свои политические взгляды и не критиковал приказы сверху. Поэтому Майкл промолчал, давая ему время успокоиться. Нервозность начальника неудивительна, когда обнаружены три неопознанных трупа, весь город, да что там, уже весь мир стоит на ушах, особенно русские, руководство давит, а подвижек почти никаких.

– Почему русские создают так много проблем? – Шеф достал сигарету. – Сегодня прилетает наблюдатель из России. Баба. Гражданская. И нянчиться с ней придётся тебе.

Что?!

– Познакомишь её с материалами дела, свозишь в морг, покажешь места преступлений. Она ни во что не вмешивается, но информирует Москву обо всём. Поэтому поаккуратнее в высказываниях. – Джереми Батлер чуть не улыбнулся, наблюдая растерянность на лице одного из лучших своих сотрудников, всегда сдержанного и хладнокровного агента Фэйссобера.

Нью-Йорк, отель «Уолкотт»

16.00

Я чувствовала себя ужасающе. Долгий перелёт, бесконечный страх, коллега из консульства, давший понять, что ни помощи, ни поддержки здесь я не получу, жестокий убийца, преследующий исключительно русских людей. Вдобавок ко всему у меня сильно разболелась голова. И к тому времени, как я поднялась в номер и попыталась найти какое-нибудь средство от мигрени, головная боль заполнила собой всё внутричерепное пространство. С трудом добравшись до ванной, я открыла шкафчик, вроде бы здесь американцы должны хранить лекарства. Но внутри было пусто. Вот и верь после этого кинематографу. Прижала пальцами уголки век к переносице, вдавливаясь во тьму. И тут раздался стук в дверь.

Наверняка стучали не так громко, как это прозвучало в моей истерзанной болью голове. Не было сил спросить, кто там и что им от меня нужно, поэтому я просто открыла дверь.

В коридоре стоял незнакомый мужчина с занесённой для повторного стука рукой. По его взгляду на меня я поняла, что выгляжу так же паршиво, как и чувствую себя.

– Добрый день, вы Лилиа Берегов'а?

По необычному произношению моего, в общем-то, простого, имени, я поняла, что это иностранец. На этом мои дедуктивные выводы закончились. Кто он такой? Вряд ли в консульство возьмут на службу американца. Служащие отеля носят униформу. Что ему от меня надо? Неужели убийца? Мог он быть в аэропорту, когда сел самолёт? Мог. Мог он выбрать меня и проследить за мной? Мог. А может именно так он и выбирает жертв. В аэропорту! Отслеживает рейсы из России. Страшная догадка наполнила меня паникой. Я даже забыла о мигрени. Он пришёл за мной. Это конец.

Я сделала шаг назад, в номер. Наивно надеясь, что успею захлопнуть перед ним дверь. Он тоже сделал шаг в номер, шире распахивая дверь.

– Это вы Лилиа Берегов'а? – Повторил он, доставая из кармана бумажник с удостоверением. – Меня зовут Майкл Фейссобер, Федеральное бюро расследований.

Я засмеялась от неожиданности, кажется, даже немного забрызгала его слюной. Представляю, что он подумает о русских, в частности обо мне.

– Да, я Лилиа Берегова, здравствуйте. Проходите. – Я посторонилась, давая ему пройти, и указала на диван.

Закрывая дверь номера, я почувствовала, что боль вернулась. А я уже надеялась, что выброс адреналина меня вылечил.

– У вас нет таблетки от головы? – Спросила я, усаживаясь в кресло напротив него.

– Таблетки от головы? – С беспокойством переспросил агент Фэйссобер, почему-то поглядывая на мои руки.

Я снова прыснула. Надеюсь, на этот раз брызги его не достали. Разговаривая с иностранцами постоянно нужно помнить о разнице менталитетов.

– У меня сильная мигрень, в самолёт лекарства я не смогла взять, а до аптеки ещё не добралась. – Пришлось снизойти до подробных объяснений.

Мне кажется, или на его лице проступило облегчение?

– Вы можете купить средство от мигрени в ближайшей аптеке, я сделаю остановку по дороге в морг.

– В морг? – Теперь на моём лице проступило беспокойство.

– Мне приказано ввести вас в курс дела. Утром произошло ещё одно убийство, я подумал, вы захотите осмотреть тело.

Агент Фэйссобер пристально следил за выражением моего лица, и оно его не разочаровало.

Американская фармацевтическая промышленность оказалась на высоте. Пока мы стояли в пробке, боль рассосалась, и я начала смотреть по сторонам. И тайком поглядывать на американца. На вид ему было чуть меньше сорока лет, худощавый, резкие черты лица, волосы тёмно-каштановые, кое-где уже начала пробиваться седина.

– Мистер Фэйссобер... – Я растерялась. А вдруг не мистер, а агент Фэйссобер? Как же правильно его называть? – Или к вам лучше обращаться агент Фэйссобер?

– Зовите меня Майкл, у вас всё равно жуткий акцент.

Это у вас, американцев, акцент, а у меня, между прочим, пятёрка по английскому, и произношение почти оксфордское.

Я почувствовала раздражение. Этот агент, считающий себя лучше только потому, что относится к «великой» американской нации. Зачем я вообще здесь, в этом чужом городе, где русскому человеку находиться смертельно опасно. Я еду в нью-йоркский морг в обществе агента ФБР. Какой причудливой порой оказывается наша жизнь.

И всё же я сотрудник дипломатического ведомства. Поэтому могу взять себя в руки. Ведь я профессионал. А обижаться на глупые замечания непрофессионально.

– Я постараюсь не причинять вам лишних хлопот, Майкл. Расскажите мне всё и, пожалуйста, с подробностями. Я ведь знаю только то, что показывали в новостях.

Значит, все убийства происходили ночью, в парках. Причём ловил он жертв в других местах и привозил оглушёнными и связанными. Убивал с особой жестокостью, предварительно пытал. Критерии отбора пока не ясны. В первом случае была тридцатилетняя женщина, вторая жертва – девочка-подросток и сегодня утром – старик. Пока их связывает только национальность: они все русские. По крайней мере такой вывод сделали американцы из того, что возле каждого трупа был найден российский флаг. Вполне логичный вывод. А зачем кому-то убивать пуэрториканцев, например, и укладывать их на флаги Российской Федерации?

– А вы связались с консульством, чтобы установить личность жертв? – Мне показалось странным, что до сих пор не известно, кем были погибшие люди, и действительно ли они были русскими.

– Конечно, связались. – Определённо я его раздражаю. – Но вот загвоздка – ублюдок не оставил им лиц, чтобы опознать по фотографиям. А другие возможности в консульстве даже рассматривать не стали, мы запрос на отпечатки пальцев отправляли после каждого случая.

Это интересно, потом доложу начальству.

– Что значит, не оставил им лиц? – Но агент Фэйссобер сделал вид, что не услышал вопроса.

Морг меня ошарашил.

Всю дорогу я пыталась настроиться, убеждала себя, что это мой долг по отношению к родине и соотечественникам, что это дань уважения к убитым, что это необходимо, чтобы составить объективную картину происходящего и помочь поймать преступника. Поэтому я собрала волю в кулак и сжала зубы. Больше всего я боялась, что меня вырвет при виде покойников. И тем самым я опозорю всех русских в глазах этого самоуверенного фэбээровца и работников нью-йоркского морга.

Но первое же тело женщины поразило меня той чудовищной, абсурдной жестокостью, с которой её убили. Патологоанатом деловито рассказывала, каким способом человека лишали жизни. Но я словно окаменела, и сквозь покрывший меня твёрдый панцирь с трудом различала слова. Оба трупа были такими белыми, словно снежные сугробы. Доктор разъяснила, это от того, что они потеряли почти всю кровь. С лиц будто сняли кожу, впрочем, это так и было, как

выяснилось, кожу он забрал в качестве трофеев. Женщина состояла из пяти отдельных частей, у девочки были вывернуты все суставы. Старика я рассмотреть не смогла. Когда патологоанатом начала выдвигать ящик с третьим трупом, я потеряла сознание.

Мы ехали обратно в гостиницу, на этом настоял агент Фэйссобер. А я совсем расклеилась. По щекам текли слёзы, которые я и не пыталась останавливать, боясь привлечь лишнее внимание с его стороны. Не хочу, чтобы американец считал меня плаксой. Поэтому я смотрела в окно. На людей, машины, светофоры, небоскрёбы, всё это расплывалось в яркие импрессионистские пятна.

В номере я первым делом пошла в душ. И долго стояла под струями горячей воды. Мне было жизненно необходимо смыть с себя весь пережитый ужас. Когда сил стоять уже не оставалось, я обернула голову полотенцем, надела пахнущий ополаскивателем гостиничный халат. И пошла искать телефон, который мне выдали вместе с визой и другими документами. Хорошо, что прежде, чем звонить начальству, я вспомнила о разнице во времени. Если тут было восемь вечера, следовательно, в Москве – глубокая ночь. Нужно подождать несколько часов до утра. Значит, пока смогу подготовить тезисы отчёта. С этой мыслью я уснула.

Проснулась лишь, когда зазвонил телефон. Это был сам Константин Петрович Ефимцев, и от этого мне стало немного легче, так как вряд ли я смогла бы объяснить кому-то постороннему весь ужас увиденного мною в городском морге. Я чуть было не забыла о странном поведении сотрудников консульства, и, если бы начальник не спросил, как меня приняли, могла и не вспомнить. Но теперь в Москве знали всё. И о том, что консульские умыли руки, даже не объяснив ничего толком, и о том, что проигнорировали запрос на распознавание по отпечаткам пальцев. Получалось, будто я жалуясь, но от обещания Константина Петровича во всём разобраться, мне стало немного легче. Только сейчас я поняла, насколько одинокой чувствую себя в этой недружелюбной стране и в этом смертельно опасном для меня и моих соотечественников городе.

Закончив разговор, я наконец-то размотала полотенце, расчесала волосы, сбившиеся в паклю, разделась и заснула, как только накрылась одеялом.

Лафайет стрит
19.00

Первое впечатление Майкла от русской было – странная. Очень странная.

Причём его раздражало почти всё в ней: и нелепый акцент, и привычка смеяться невпопад, брызгая слюной на собеседника, и то, что у неё на лице отражалась каждая испытываемая эмоция. Слишком глупая и несдержанная женщина. Майкл с некоторым злорадством предвкушал её знакомство с покойницей, делая ставки сам с собою, чего от неё ожидать – брезгливой гримасы, тошноты, маниакального любопытства. Когда она свалилась в обморок, он испугался. Если честно, в первую очередь того, что придётся объясняться с начальством. И только во вторую – за здоровье девушки. Что и говорить, она его удивила. Всё же не ожидал от русских такого точного следования соглашению. Думал, что прилетит кто-то со специальной подготовкой. В голове возникал образ крепкой женщины, пьющей водку залпом, используя матерные словечки. А прислали какую-то фею, теряющую сознание при виде трёх трупов. Даже двух.

Когда она заплакала уже в машине, Майкл совсем растерялся. Если бы это был кто-то близкий, он бы мог обнять её и шептать что-нибудь ласковое, пока не успокоится. А что делать с порученной его опеке наблюдательницей из недружественной страны, он не знал. Поэтому делал вид, что не замечает её слёз. К тому же она явно пыталась их скрыть.

В двадцать часов и сорок две минуты Майкл вошёл в квартиру, привычным жестом выключил сигнализацию и бросил ключи в широкую вазу.

Достал из холодильника банку пива и сел на диван. Телевидение радовало постоянством, уже шестой раз подряд убийства русских стали главной темой вечерних новостей на всех каналах. Убедившись в этом, Майкл выключил телевизор и отбросил пульт подальше.

Уже шесть дней он работает над этим делом, три трупа были обнаружены в парках Нью-Йорка. Все мировые телевизионные станции и печатные издания муссируют эту тему, обвиняя Федеральное бюро расследований в инертности и некомпетентности. Средства массовой информации третируют правительство Соединённых штатов, подначивая русских начать свой геноцид и кромсать американцев на своей территории. Ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, а он, Майкл Фейссобер, сотрудник отдела специальных расследований ФБР, топчется на том же месте, что и пять дней назад. Не может пробиться сквозь бюрократическую махину русских чиновников. А американские тайком злорадствуют, радуясь проблемам политического противника. И никому из них нет дела до людей, замученных жестоким садистом.

Ещё и эта наблюдательница. Беспокойся теперь за неё. Впрочем, беспокоился Майкл не столько за её здоровье. Ведь мисс (или миссис?) Берегова может через своё руководство получить доступ к российским базам данных. И тогда появится возможность установить личность жертв. И наконец-то сдвинуться с мёртвой точки.

Майкл допил пиво за здоровье русской феи и выключил свет.

8 августа

Москва, Смоленская–Сенная площадь

9.30

За те два часа, что прошли после разговора с Береговой, Константин Петрович успел сделать с десяток звонков. Он уже составил план действий и знал, какие шаги должны быть приняты в первую очередь. Да, это было именно то, что надо, чтобы дать делу продвинуться вперёд. Он знал, что Лилия не подведёт, поэтому и рекомендовал её кандидатуру, несмотря на отсутствие специальной подготовки и довольно посредственные физические показатели. Впрочем, сейчас ей нужно не физическое здоровье, а сила духа и интеллект. А этого девушке было не занимать.

На десять часов было назначено экстренное совещание. Собрание проходило за закрытыми дверями сто третьего кабинета в том же составе, что и два дня назад.

В кресле Григория Сергеевича Иванова также сидел генерал-полковник Добровольский, по правую руку от него – генерал-лейтенант Певцов и Кристина Бородина, слева – Иванов и Ефимцев.

Константин Петрович дождался сигнала генерала и начал читать тезисы доклада и выводы, которые он предварительно набросал в свой рабочий блокнот.

– Это хорошо, что Лилия Александровна так быстро начала реагировать. Передайте ей моё одобрение, – похвалил Добровольцев и тут же добавил, – а в нью-йоркском консульстве, Григорий Сергеевич, запланируйте проверку, сразу после выхода из кризисной ситуации.

Иванов сделал пометку в своём блокноте.

– ФБР получит доступ к российской базе данных через Лилию Берегову. Это мы устроим, да, Александр Палыч? – Обратился он к Певцову.

Тот откашлялся и кивнул:

– Доступ она получит ограниченный, и только она. А для фэбээровцев уж пусть фильтрует, прежде чем передавать информацию.

– Кристина Михайловна? – Генерал повернулся к Бородиной.

– Наши сотрудники свяжутся с Береговой через несколько часов. Мы можем использовать нашу штаб-квартиру в Нью-Йорке.

– Не стоит светить американцам наши квартиры, – засомневался Певцов.

Добровольцев поднялся.

– Светить ничего не будем, встретятся где-нибудь на улице. Следующее собрание завтра. Константин Петрович, на вас связь с Береговой, требуйте у неё подробности. Детали многое могут прояснить. – Он остановился уже у двери и заглянул каждому в глаза. – Думаю, не нужно напоминать о неразглашении информации?

Генерал-полковник и генерал-лейтенант ушли, вслед за ними советник Бородина. Константин Петрович и Григорий Сергеевич остались наедине.

– Ну, что думаешь, Костя? – Иванов достал стеклянную пепельницу и сигареты из ящика стола, сел, наконец, в своё кресло и с видимым удовольствием закурил, затем толкнул пачку Ефимцеву.

Ефимцев тоже прикурил, сделал несколько затяжек и только после этого ответил:

– Думаю, Гриша, полетят головы, надеюсь, что не наши.

Нью-Йорк, отель «Уолкотт»

8 августа

8.30

Я просыпалась долго, всё не могла выбраться из вязкого состояния между сном и бодрствованием. Затем пыталась понять, где нахожусь и сколько сейчас времени. Эти часовые пояса совсем сбили мои внутренние часы, к тому же жалюзи опущены. Пришлось вставать и искать телефон. Чёрт! Американец обещал заехать в девять. А я проспала.

В одну минуту десятого выскочила на улицу. Майкл уже ждал в припаркованной у отеля машине. Вместо того, чтобы просто поздороваться, я начала путано извиняться за опоздание, объясняя, что позвонил Константин Петрович, велел передать данные жертв нашему человеку, который сам меня найдёт.

В этот момент в окошко с моей стороны постучали.

– Лилия Берегова? – Спросил по-русски невысокий мужчина с круглым добродушным лицом. – Где информация?

– Ой, – я растерянно повернулась к Майклу, – вы привезли данные погибших?

Агент Фейссобер протянул человеку жёлтый конверт, тот кивнул и пошёл через пешеходный переход, лавируя в плотном потоке сигнализирующих машин. Мы с американцем смотрели ему вслед, пока он не растворился в толпе.

– Майкл, мне совершенно необходимо выпить кофе. Немедленно.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке.

12.00

Майкл смотрел сквозь две стеклянные стены, как русская изучает материалы следствия. Она находилась слишком далеко, чтобы разглядеть выражение её лица. Было видно только, что она склонилась над столом, и её рука поднимается, переворачивая страницы.

Странная русская. Агент Фейссобер привык к женщинам-коллегам – деловитым, спокойным, профессиональным. А эта была молода, неопытна и уязвима. Чем-то она напоминала ему Полин, своей непосредственностью и наивным желанием познать то, что ей недоступно.

Майкл почувствовал голод и посмотрел на часы. Русская, наверное, тоже проголодалась. Его уже начинала угнетать роль няньки. Майкл вздохнул и вышел из кабинета.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке.

12.00

Господи, это просто чудовищно. Я читала отчёты экспертов, рассматривала фотографии изуродованных тел и не могла поверить, что это всё по-настоящему. Казалось, я смотрю фильм ужасов. Вот только без спасительной кнопки «стоп». Я всегда боялась ужасиков, Славик говорил, потому что слишком впечатлительная.

Я старалась найти общие детали между тремя убитыми, поэтому нарисовала три колонки в толстом блокноте, выданном мне Ефимцевым. Блокнот закрывался специальным замком, ключом к которому служило четырёхбуквенное слово. Разумеется, на кириллице. Настоящий шпионский блокнот мне выдали на случай, если я сумею нарыть что-нибудь важное, что стоит скрыть от американцев. Вряд ли они тут разгадают слово «снег».

В дверь постучали, и я обернулась. За стеклом стоял агент Фейссобер.

Мне понравился Майкл. Он спокойный и сдержанный. Не насмехался надо мной и не пытался заигрывать. Настоящий профессионал. Поэтому, когда он открыл дверь, я сделала над собой усилие и приветливо улыбнулась. Ведь у американцев так принято.

Мы сидели за столиком в кафетерии и молча ели сэндвичи. Агент Фейссобер запивал свой бутерброд кофе, а я колой, которая оказалась совершенно непохожей на ту, что я пила дома. Он почти всё время молчал и смотрел перед собой, наконец, я почувствовала себя неуютно.

– Я пыталась отыскать общие детали, но кроме флага и жестокости... Майкл, а вы не думали, что убийц несколько?

Он перевёл взгляд на меня, затем посмотрел в окно, сделал глоток кофе и только после этого ответил:

– Это может быть группа лиц.

На столик между нами шлёпнулся большой пухлый конверт. Худой оборванец в капюшоне, который его бросил уже был у выхода. Я даже не успела его рассмотреть.

Мы с американцем переглянулись. И я открыла конверт.

Все трое убитых были российскими гражданами. Алла Ромова гостила у своей сестры, вышедшей замуж за американца. Семнадцатилетней первокурснице Кате Егоровой родители подарили путешествие на окончание школы и начало учёбы в университете, она путешествовала с подругами. А Николай Иванович Ардов вместе с супругой Зоей Михайловной совершал кругосветное путешествие, у них была «золотая» свадьба.

Все досье были на русском, поэтому я сначала прочла про себя, а после перевела американцу.

– Он очень тщательно подбирает жертв, а значит, знает, что делает. – Майкл одним глотком допил кофе, поднялся и начал собирать бумаги в конверт. – Нужно поговорить с родственниками. Идёмте, я отвезу вас в отель.

Ну и наглость. Хоть бы спасибо сказал. Я тоже встала и забрала конверт из его рук.

– Спасибо за помощь, – сказала я с улыбкой. – Но у меня есть приказ ознакомить вас с информацией, не выпуская её из рук. И я бы хотела поехать с вами.

– Это исключено.

– Почему?

– Вы не участвуете в расследовании.

– Майкл, – я легко коснулась его плеча, – я хочу помочь вам найти убийцу моих соотечественников. И я могу помочь, хотя бы в качестве переводчика. Потому что родные убитых говорят по-русски, а вы нет.

Он внимательно посмотрел на меня, будто взвешивая пользу и вред, которые я могу принести, потом пошёл к лифту.

Примерно через час, получив все необходимые разрешения и оформив документы, я надела на шею пластиковый бэйджик, на котором было написано «временный консультант ФБР».

Нью-Йорк, Стейтен Айленд

17.47

Старшая сестра Аллы Ромовой жила в пригороде. Мне, жительнице мегаполиса, показалось, что паром доставил меня в сказочный мир – красивые домики с ухоженными газонами, много зелени и цветов, никакого мусора и тёмный гладкий асфальт.

«Может и мне нужно выйти замуж за американца?» – Подумалось внезапно.

– Приехали, – сказал Майкл. Это было его первое слово за всю дорогу. Агент Фэйсбер не был доволен решением своего руководства относительно временного консультанта, поэтому старался меня игнорировать и говорил ещё меньше, чем прежде.

Мы остановились у симпатичного двухэтажного дома в голландском стиле. Майкл сжимал руль и глядел перед собой. Он молчал, но я чувствовала его неприязнь.

– Мисс Берегов'а, – исковеркал он мою фамилию, – я прошу вас ни во что не вмешиваться, я сам буду говорить с Элен Грей и её мужем.

Он строго посмотрел на меня и ждал ответа.

– Хорошо, – я кивнула, – только зовите меня Лилия, Берегова вам не даётся.

И я первой вышла из машины.

Элен Грей, бывшая Елена Викторовна Ромова из города Липецка, была очень красивой женщиной. Майкл представился, показал удостоверение, буркнул, что я временный консультант ФБР, что мы по поводу её младшей сестры и попросил разрешения войти.

Миссис Грей забеспокоилась, но пригласила нас в дом.

– Когда вы видели свою сестру в последний раз? – Спросил агент Фэйссобер.

– Первого августа утром, она улетела в Россию. – Женщина всё ещё не понимала, что происходит и начинала нервничать.

– Елена Викторовна, – отчётливо сказала я по-русски, – к сожалению, Алла не улетела домой.

Элен Грей была ещё и умна, потому что теперь она всё поняла. Майкл бросил на меня недовольный взгляд, но промолчал. Женщине понадобилось время, но, кажется, она сумела взять себя в руки.

– Алла была первой... кого он убил... – Сказала она по-русски. Стиснув пальцы, Елена посмотрела на меня. Несмотря ни на что, она всё ещё надеялась на отрицательный ответ, но я кивнула. Учитывая, как муссировали в прессе и на телевидении первое убийство, даже представить не могу, что может чувствовать сестра жертвы.

– Расскажите всё, что сможете вспомнить, – попросил Фэйссобер.

– Мне нужно попить воды, – сказала миссис Грей и вышла из гостиной. Я смотрела в окно, чтобы не встречаться взглядом с Майклом. Я знала, что выволочки мне не избежать, но тянуть буду до последнего.

Элен вернулась через несколько минут с покрасневшим лицом и обрамлявшими его влажными волосами. Она села в кресло и глубоко вздохнула.

– Аля живёт с мамой в Липецке. Она работает учительницей, работала учительницей...

– Она резко замолчала, сделала ещё один глубокий вздох.

– Давайте, я принесу вам ещё воды, – я отправилась на кухню. Пусть Майкл сам поговорит с ней, я не была готова к такому.

Когда я вернулась, она уже рассказывала, как высадила сестру на парковке у здания аэропорта.

– Понимаете, у неё с собой была книга. Она перечитывала Толстого, и сказала мне не беспокоиться, потому что «Алла с Анной отлично проведут время вместе». – У женщины перехватило дыхание, и я протянула ей стакан с водой. У Элен дрожали руки, и обручальное кольцо стучало по тонкому стеклу.

– Мне стоит на время уехать? – Тихо спросила она меня по-русски.

– Возможно, вам стоит пока побыть с матерью, – ответила я.

– Найдите этого урода.

– Чего бы мне это ни стоило. – Пообещала я совершенно серьёзно.

Паромная переправа

20.50

Майкл был недоволен. Его недовольство просачивалось сквозь сжатые губы, выходило из ноздрей вместе с дыханием. Недовольство заполняло салон автомобиля, давило на плечи. Но я стойко пыталась делать вид, что ничего особенного не происходит, и смотрела в окно на приближающиеся огни города.

– О чём вы говорили? – Он ждал до последнего, паром уже причалил. Значит, вам всё-таки любопытно, агент Фэйссобер.

– Она спросила, угрожает ли ей опасность.

– И что вы ответили?

– Я сказала, сейчас всем русским небезопасно находиться в этой стране.

Нью-Йорк
21.50

Майкл высадил Лилию у отеля «Уолкотт» и поехал домой. Он думал о том моменте в расследовании, когда в, казалось бы, бесперспективном деле появлялась новая информация, а с ней и зацепки, за которые нужно было потянуть и вытащить на свет новые ответы на бесконечное множество вопросов. Элен Грей попросилась с сестрой на парковке аэропорта за два часа до регистрации рейса, значит, девушку зафиксировали камеры наблюдения. И, если убийца контактировал с ней в аэропорту, Майкл об этом узнает. С утра нужно подать заявку в администрацию аэропорта. Но как он это сделал? Как выманил её? Они были знакомы? Сестра сказала, что Алле не были свойственны авантюрные порывы. Впрочем, кто поймёт этих русских, чем они руководствуются. Просил ведь её не вмешиваться, молчать и наблюдать. Майкл опять почувствовал раздражение из-за навязанной ему роли няньки этой странной девицы. Русская мешала ему работать. Ладно, не всегда мешала. Он терпеть не мог сообщать кому-то о смерти родственников, поэтому был ей немного благодарен, что в этот раз не пришлось говорить самому. Совсем немного.

Отель «Уолкотт»
22.00

Я заносила свои мысли в шпионский блокнот. Если бы Майкл согласился меня выслушать, я могла бы завтра с ним поделиться. Ведь наверняка в аэропорту есть система видеонаблюдения, на камеры могла попасть и Алла Ромова, и её убийца. Можно поехать туда завтра и посмотреть записи. Хотя, Фэйссобер – профессионал и уже, наверное, подумал об этом. Но спросить всё равно надо. Мало ли как бывает.

Я записала тезисы своих соображений для утреннего доклада Константину Петровичу и легла спать. Завтра много дел.

9 августа

Нью-Йорк, Отель «Уолкотт»

5.42 утра

Тук-тук-тук. Дятел выстукивал барабанную дробь на сосне. Тук-тук-тук. Предсмертный концерт для личинок. Мы с папой любили гулять в лесопарке. Здесь не было облагороженных аллей, выложенных диким камнем, и скамеек с удобными спинками, после дождя выбоины на тропинках заполнялись жидкой грязью. Но папа всегда говорил, что в лесу мы намного ближе к природе, чем в чистеньких городских парках. Тук-тук-тук, – не унимался дятел.

– Лилиа, – позвал меня папа глухим голосом с иностранным акцентом. Я подняла глаза и увидела окровавленное лицо без глаз. Лицо открыло рот, из которого вытекала струйка крови, и глухо сказало по-английски:

– Лилиа, да проснитесь же!

Я открыла глаза. В дверь настойчиво стучали. Ещё не до конца понимая, где я и что делаю, отправилась открывать. Едва повернула ключ, Майкл толкнул дверь и, мазнув по мне взглядом, вошёл в комнату.

– Одевайтесь, у нас ещё один труп, – он поставил на стол бумажный стаканчик с кофе, – жду вас через десять минут в машине.

И вышел из номера. Я по-прежнему стояла у двери и пыталась осознать произошедшее. Ещё одно убийство. Ещё одна смерть. Я сделала глоток крепкого горячего кофе. Второй глоток. К тому же этот фэбээровец видел меня в заношенной футболке, едва прикрывающей стратегически важные места. Это почти что голой. Стоит ли мне переживать? А ведь для кого-то эта ночь закончилась мучительной смертью. Это гораздо хуже. Я допила кофе и начала спешно одеваться.

Центральный парк

6.20 утра

Я много раз слышала о Центральном парке, видела его на фото и в кино, представляла, как я гуляю по его аллеям и дорожкам, катаюсь на запряжённой белоснежной лошадию двуколке, стилизованной под старину. И вот я здесь. И сейчас я боюсь идти туда. Я боюсь того, что там увижу.

Это было похоже на продолжение моего сна. Бело-голубые огни полицейских машин на въезде ослепляли. Казалось, я продвигаюсь сквозь толщу воды, которая искажает звуки и предметы.

– Лилиа, – раздался искажённый водой голос Майкла, – с вами всё о'кей?

– Да, – солгала я, стараясь дышать глубоко и медленно, – я готова.

Центральный парк

6.20 утра

Было похоже, что Лилиа сейчас опять грохнется в обморок. А ведь они ещё даже не видели труп. Это так мешает работать и отвлекает от дела. Чёрт бы побрал Джереми Батлера и руководство бюро, и эту странную русскую женщину, и грёбаного убийцу, который продолжал наращивать обороты. Майкл злился на всех вокруг. Он был раздражён. А больше всего его раздражал непрофессионализм этой по-детски невинной русской. Кто додумался прислать зелёную девчонку, к тому же гражданскую, наблюдать за таким жестоким, кровавым делом? Может оставить её в машине, а потом показать фотографии, сделанные криминалистами? Теперь Майкл разозлился на самого себя за то, что начал жалеть эту чёртову русскую, которая только и делает, что отвлекает его и мешает работать. К тому же она сама напросилась помогать. Он

резко выдохнул и зашагал к сержанту, придерживающему жёлтую ленту ограждения. Майкл знал, что русская следует за ним.

Рузвельт Хоспитал
9.30

В больнице было прохладно, и я в лёгком платье без рукавов мгновенно покрылась мурашками. В ровный гул кондиционеров вливались отдельные голоса персонала и посетителей. Здесь никто никуда не спешил кроме нас с Майклом. Мы рванули в клинику сразу же после звонка из российского консульства. Вчера у Зои Михайловны Ардовой случился инсульт. Когда эта информация дошла до нашего представительства, рабочий день уже завершился, поэтому мне сообщили только утром. А что если бы наши чиновники в Нью-Йорке не получили выговор от начальства из Москвы? Вообще бы не позвонили?

Зоя Ардова была слишком важным свидетелем. Возможно, это единственный человек, который на данный момент обладает нужной нам информацией. Ведь мы даже не знаем, как и где убийца выбирает своих жертв. По дороге в Центральный парк Майкл сказал, что все убитые русские прилетали в аэропорт имени Джона Кеннеди. И можно было бы предположить, что маньяк выбирал их там. Потом он мог проследить их путь до гостиницы или дома сестры, как в случае с Аллой Ромовой. Дождаться, когда жертва останется одна, оглушить, вывезти в парк и...

В ФБР уверены, что маньяк передвигается на своём автомобиле, возможно фургоне, и допускают, что убийц может быть несколько. Так удобнее следить за жертвами.

Но, если убийца провожает русских из аэропорта, почему первой жертве он позволил гостить у сестры две недели и убил только тогда, когда она уже готовилась сесть на самолёт домой? Не из аэропорта, а в аэропорт. Кстати, надо спросить Майкла о камерах наблюдения.

– Лилиа, идёмте, – Майкл, выяснявший историю болезни Зои Ардовой, тронул меня за локоть, вырывая из размышлений.

– Она пока не проснулась, – сказал доктор, провожавший нас в палату, – и мы не знаем, как сильно повреждён мозг и сможет ли она говорить.

Доктор открыл дверь и впустил нас внутрь. Зоя Михайловна Ардова, жена третьей жертвы маньяка-руссофоба, седая старушка с морщинистым лицом и руками, покрытыми пигментными пятнами, безмятежно спала. Возможно, для неё было бы лучше и не просыпаться.

Когда мы вышли из палаты, Майкл протянул доктору визитку.

– Прошу сообщить мне, как только её состояние изменится.

Доктор кивнул, но по его лицу было видно, что он очень сомневается в положительном исходе.

Когда мы шли к лифту, у агента Фэйссобера зазвонил телефон. Он остановился и сделал мне знак подождать. Я отошла к панорамному окну, чтобы не мешать ему разговаривать. Отделение интенсивной терапии находилось на девятнадцатом этаже, за стеклом суетился и спешил куда-то Нью-Йорк. Вот бы прилететь сюда в отпуск, иметь возможность гулять по улицам, заходить в магазины и галереи, попробовать нью-йоркскую еду.

Я услышала шаги позади меня и, не оборачиваясь, сказала:

– Я тут подумала, что, если он забрал Аллу Ромову из аэропорта, возможно, это записали камеры наблюдения.

Майкл остановился рядом со мной и оперся на поручень, блокирующий подход к оконному стеклу.

– Я жду эти записи сегодня к вечеру, – ответил он.

Отель «Ренессанс»
11.00

В ФБР, наконец, выяснили, где жила Катя Егорова. И мы с агентом Фэйссобером приехали в отель «Ренессанс». Майкл беседовал с менеджером, а я ждала его в компании двух чашек кофе.

По дороге я демонстрировала американцу свои дедуктивные способности и делилась соображениями. Я рассказала ему обо всех своих выводах и сомнениях. Не думаю, что он был очень впечатлён. Но согласился, что на записях с камер может оказаться что-то важное. Больше всего меня беспокоило то, что первая жертва возвращалась в Россию, в то время как все остальные только прилетели в Нью-Йорк.

– Возможно, он находит их не в аэропорту, – ответил Майкл на мои размышления. – Он может быть продавцом в магазине сувениров, где жертвы покупали подарки, или официантом в ресторане, где все они обедали. Мы должны быть объективны, нельзя исключать другие варианты.

Наличие других вариантов меня расстроило, потому что мне нравилась моя теория. Если ключевой точкой отбора русских жертв был аэропорт, это бы всё объяснило. Или почти всё. Но агент Фэйссобер прав, нельзя заикливаться на одной версии, в ущерб другим. Майкл – профессионал. А я занимаюсь этим делом только третий день. Хотя сейчас мне почти не верилось, что ещё три дня назад я была дома, в России, и о зверских убийствах слышала только из новостей.

Закончив разговор с менеджером, подошёл Майкл. Я пододвинула ему вторую чашку с кофе. По его виду стало понятно, что ничего нового агент Фэйссобер не услышал. Он сделал несколько глотков, прежде чем ответить на мой испытующий взгляд.

– Подруги Кати уехали ещё до того, как её тело опознали.

Вот это номер.

– Они бросили друга в беде? – не могла поверить я.

– Необязательно. – Успокоил Майкл. – У неё могла быть причина продлить своё пребывание в Нью-Йорке.

– Ага, – хмыкнула я, – смерть.

Американец протянул мне сложенный лист бумаги с эмблемой отеля.

– Это имена троих спутниц Кати Егоровой.

Отлично, для Константина Петровича есть работа.

Лексингтон авеню, Кафе быстрого питания

11.54

В Нью-Йорке очень развита индустрия общественного питания. Здесь на каждом углу можно купить сэндвич, гамбургер, кусок пиццы, быстро проглотить его и бежать дальше. Мне нравится этот напряжённый стиль жизни, это бесконечное движение. И я люблю фаст фуд. После ухода Славика я совсем перестала готовить и питалась в основном бутербродами и изредка яичницей. И сэндвичи Нью-Йорка с радостью предоставили мне свой богатый ассортимент. В этом, похожем на вагончик, заведении предлагали фирменные нью-йоркские бейглы.

Константин Петрович, которому я позвонила, выходя из гостиницы, оказался занят на позднем совещании, и мы с Майклом решили перекусить. Я предложила угостить напарника, поэтому он ждал в машине на другой стороне улицы. Взяла ему с ветчиной и жареным яйцом, а себе с тунцом. Всегда хотела попробовать бейгл с тунцом. Я быстро сунула нос в бумажный пакетик и поморщилась. Рыба она рыба и есть, хоть тунец, хоть путасу. Надо было брать с колбасой, тут не ошибёшься.

Я перебежала улицу в потоке движения, в руках у меня были два бумажных пакетика с бейглами, две бутылки воды и салфетки. И в этот момент конечно же зазвонил телефон. Я добежала до машины Майкла, быстро открыла пассажирскую дверь и бросила всё на сиденье.

Но всё равно не успела. Телефон уже укоризненно замолчал. Вот ведь блин. Быстро нажала на вызов.

– Константин Петрович, извините, руки были заняты, – начала объяснять, как только он ответил.

– Лиля, – строго сказал начальник, не слушая оправдания, – ты ведь понимаешь, всю степень ответственности, возложенной на тебя? В этой ситуации легкомыслие не допустимо.

Ну, раз «ты» и «Лиля», значит всё не так страшно.

Мы с девчонками из отдела шутили, что девяносто девять процентов разносов наш Петрович устраивает за не поднятую вовремя трубку, и только один процент за не сданный вовремя отчёт. И лучше задержать отчёт.

Впрочем, к телефонному пунктику Ефимцева мы быстро привыкли, а во всём остальном он оказался мировым начальником.

– Да, Константин Петрович, – я старалась подпустить в голос смирения и раскаяния, – такое больше не повторится.

– Надеюсь, Лиля. – Голос ещё сердитый, но разнос он устраивать мне не собирался, ситуация и впрямь слишком серьёзная. Всё остальное может и подождать. – Мне передали, что ты звонила по срочному вопросу.

– Константин Петрович, мы узнали имена подруг второй жертвы, Екатерины Егоровой. Но девушки уже вернулись в Россию. Их нужно срочно допросить. Выяснить, почему они улетели, а подругу оставили в Нью-Йорке?

– Понял, диктуй имена.

Вот, чем хорош Ефимцев, схватывает на лету. Ему не нужно долго объяснять.

Отключив телефон, я заметила, что Майкл смотрит на меня, в прямом смысле открыв рот. Да, у нас, русских, начальников бояться так, что подпрыгивают. Я села в машину и наконец-то достала бейгл с тунцом. Всё-таки я в Нью-Йорке, здесь столько всего нужно попробовать.

– Я получил разрешение на осмотр номера, где жили Ардовы. Вы готовы ехать, Лиля? Я молча кивнула и вытерла салфеткой набитый тунцом рот. Неплохо однако.

Гостиница «Ростел»

16.00

«Ростел» чем-то напоминала на российскую гостиницу: за чистотой особо не следили, лифт отсутствовал, один санузел предназначался на три комнаты. Персонал не слишком дружелюбный, но удостоверение агента ФБР открывает все двери.

Ардовы жили на втором этаже в обычном двухместном номере с общей кроватью, на мой взгляд, слишком низкой для стариков. В комнате пахло корвалолом и несвежей едой. На тумбочке у кровати – лекарства и стакан с водой, рядом – что-то похожее на бурритос двухдневной давности. На кровати – сложенная стопками одежда и несколько книг. Кажется, с тех пор, как у Зои Михайловны случился инсульт, сюда никто не входил.

Я подошла поближе. Достоевский «Братья Карамазовы», Чехов «Пьесы», томик стихов Ахматовой. Старички-интеллигенты отправились в свадебное путешествие в Нью-Йорк. Денег хватило лишь на дешёвую гостиницу в Гарлеме, и то наверняка помогли дети или внуки. Я почувствовала, как подступают слёзы, и отошла к окну. Вид из окна не радовал. Можно было бы винить во всём гарлемскую преступность. Но Николай Иванович стал третьей жертвой, а две предыдущих жили в благополучных районах.

Я обернулась на скрипнувшую дверь и усмехнулась: здесь даже двери скрипят, совсем как на родине. Вернулся Майкл, он беседовал с персоналом.

– Всё то же, – ответил он на мой молчаливый вопрос, – никто ничего не видел, и никто ничего не знает. Вечером, около восьми, старик вышел в супермаркет за углом и не вернулся.

Его жена уже спала, а сотрудники гостиницы не обратили внимания. Поэтому искать начали только утром.

Вот, чёрт. Глаза ещё больше защипало. Я представила, каково было Зое Ардовой проснуться одной в чужом городе после пятидесяти лет совместной жизни. И думать, что, если бы она не уснула, Николай по-прежнему мог быть рядом.

Майкл осматривал номер.

– Русские любят читать русских авторов, – он держал в руках книги.

– Это же мировая классика, – с превосходством сказала я, выходя из комнаты. – Здесь нам есть, чем гордиться.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке.

23.32

Мы уже несколько часов просматривали записи с камер наблюдения аэропорта Кеннеди. Разделили диски примерно пополам и заняли два соседних компьютера. Никогда не думала, что это такая нудная работа. Глаза словно засыпали песком, я то и дело ставила видео на паузу, чтобы поморгать и потереть веки ладонями. Ещё более усложняло поиск то, что я видела Аллу Ромову только на фото. И то спасибо специалистам Добровольского, положили в папку по несколько фотографий каждой жертвы. Майклу достаточно было просмотреть их, а вот я, не доверяя себе, поставила фото у монитора и посматривала на них, если видела кого-то похожего на Аллу.

– Лилиа, – негромко позвал Майкл, – я нашёл её.

Я пододвинула своё вращающееся кресло вплотную к креслу Майкла и приготовилась смотреть видео. От агента Фэйссобера исходил терпкий мужской запах, что не удивительно, мы ведь целый день на ногах. Наверное, и от меня пахнет не лучше. Я тайком понюхала свою подмышку.

Камера засекла Аллу Ромову, когда та вошла в зал ожидания терминала номер один. Девушка была одета в джинсы и майку, волосы заплетены в конский хвост. Из вещей с ней были рюкзак и чемодан на колёсиках. Она села в одно из кресел, достала телефон, подключила наушники. Наверное, слушает музыку. Дальше Майкл включил перемотку, потому что сидела она довольно долго.

– Стоп, – закричала я. Алла уходила с каким-то мужчиной. Майкл перемотал назад. Вот Алла сидит одна. Вот к ней подходит мужчина в тёмных очках и бейсбольной кепке, козырёк низко надвинут на лоб. Он что-то говорит девушке, жестикулирует. Держится как со знакомой. Он показывает на выход из зала ожидания. Она встаёт, он берёт её чемодан. И они вместе скрываются из поля зрения камеры.

– Так, – Майкл остановил видео, – это уже кое-что.

В углу кадра стояла дата и время – первое августа, шесть часов сорок шесть минут вечера.

– Теперь ищите переход из зала ожидания в вестибюль, сам вестибюль. Смотрите только после шести часов сорока шести минут.

Я бросилась к своей стопке дисков. Начала перебирать. Терминал один, терминал два, ещё терминал, парковка, снова парковка, опять парковка. Да, что ж такое. Почему, когда спешить и торопиться что-то найти, обязательно попадаете не то, что нужно. О, вестибюль. Отлично. Я вытащила диск из коробки и вставила в дисковод. Начала перематывать. Так, полдень, два часа дня, четыре часа, вот – шесть часов сорок пять минут. Я нажала «пуск».

Спустя несколько долгих минут Алла Ромова и неизвестный мужчина в бейсболке прошли через вестибюль и свернули к подземному паркингу.

– Майкл, они пошли на парковку.

– Время? – Тут же отозвался он.

– Семь ноль две.

Я вернулась к дискам с паркингом и начала по очереди их просматривать. Да уж, задачка не из простых, учитывая, что парковка в аэропорту Джона Кеннеди рассчитана на семнадцать тысяч машин.

Спустя два диска с парковки «А» я почувствовала, что превращаюсь в зомби.

– Майкл, я пойду возьму кофе. Вам что-нибудь принести.

– Нет, – он даже не оглянулся, так и сидел, уставившись в монитор.

Я вышла из кабинета, в коридорах было пусто, горело дежурное освещение. И меня заполнило жутковатое ощущение ирреальности. Казалось, кто-то следит за мной из тени в углу. Забежав в туалет, я захлопнула за собой дверь. Наверное, это было глупо и по-детски. Что мне может угрожать в офисе ФБР? Я просто переутомилась, и поэтому запаниковала. Всё нормально, мне ничего не угрожает. Когда я умывалась, то старалась не смотреть в зеркало, потому что отражение укоризненно демонстрировало мне бледное лицо с тёмными кругами, обрамлявшими глаза. Я действительно устала. Спустя несколько минут, когда паника отпустила, это стало очевидным. Нужно вернуться к Майклу.

Агент Фэйссобер по-прежнему просматривал записи с камер наблюдения. Когда я вошла, он даже не обернулся.

– Майкл, – позвала я, – уже поздно. Я, наверное, поеду в гостиницу.

– О'кей. Встретимся утром.

Я достала из сумочки телефон и вспомнила, что это не Москва.

– Майкл, вы не могли бы вызвать мне такси? – попросила я.

– Жёлтое такси здесь на каждом углу, просто махните рукой, – он даже не взглянул на меня.

Он сейчас посылает женщину одну на улицу ночью? А ничего, что там маньяк бросит и вот на таких одиноких испуганных женщин и нападает? Вот козёл этот фэбээровец. Ладно, я сильная женщина, я справлюсь, я смогу поймать такси на Манхэттене. Я успокаивала и настраивала себя, пока спускалась в лифте. Но внизу, когда увидела охранника, всё-таки смалодушничала.

– Сэр, – кажется, так к ним обращаются, – вы не могли бы вызвать мне такси?

– Мэм, – вежливо, но непреклонно ответил он, – машина стоит на другой стороне улицы, вам нужно только поднять руку.

Нет, тут джентльменов, расстроилась я, выходя из здания. Жёлтый автомобиль с «шашечками» находился метрах в двадцати от меня. Я активно замахала и увидела, что он разворачивается. И почему нельзя было заказать машину по телефону? Я бы не нервничала. И всё-таки прав господин Задорнов, подумала я, садясь в такси.

10 августа

Временный офис ФБР в Нью-Йорке.

1.06

Когда русская ушла, кабинет внезапно показался Майклу опустевшим. Она будто заполняла пространство собой, своими незамутнёнными эмоциями. «Похоже, ты уже начал привыкать к ней, парень», – усмехнулся Майкл. Это была забавная мысль, потому что он был одиночкой. Замкнутый человек, привыкший скрывать свои мысли и чувства. В моменты семейных ссор Кэрол называла его роботом. Напарники с агентом Фэйссобером не срабатывались, командная работа была не для него. Хорошо, шеф достаточно быстро понял, что качество работы значительно повышается, когда Майкл действует один. Поэтому сама мысль, что ему комфортно работается с русской девчонкой, была смешной. Наверное, дело в том, что она не мешается под ногами.

Майкл приложил ладони к глазам и крепко зажмурился. А затем взял следующий диск.

К трём часам ночи агент Фэйссобер уже знал, как убийца перевозил своих жертв и почему они садились в его машину.

Нью-Йорк

1.15

Глаза слипались, спать хотелось невероятно. Но сначала нужно позвонить Ефимцеву. Я глянула на экран мобильного телефона. Если здесь пятнадцать минут второго, значит в Москве уже больше девяти утра. Я набрала номер начальника.

Константин Петрович отозвался после второго гудка, ждал звонка.

– Почему так долго не звонила? – Сказал он вместо приветствия. – Уже сам хотел тебя набирать.

– Мы смотрели записи камер из аэропорта, – я, как обычно, начала оправдываться. – Только еду в гостиницу.

– Едешь? – Переспросил он. – Одна?

– Да, я в такси. – Что-то не о том Петрович спрашивает. – Константин Петрович, я хотела доложить о том, что мы с агентом Фэйссобером увидели на дисках.

– Не при посторонних! Доложишь из гостиницы.

– Но я ведь по-русски говорю, – удивилась я.

– Ну, и дура, – Петрович положил трубку.

А я смотрела на мобильник в моей руке, глупо открыв рот. Ничего не понимаю. Почему он так грубо разговаривает.

– Это вы на каком языке сейчас говорили? Не на русском случайно? – Спросил мужской голос с водительского места.

Вот чёрт, таксист. Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня в зеркало заднего вида. А вдруг это он, мелькнула мысль. Я хотела сглотнуть, но почувствовала, что во рту пересохло. Ладони стали влажными. Мозг судорожно искал выход. Выпрыгнуть на ходу? Слишком большая скорость, разобьюсь.

– Вы русская? – Снова полюбопытствовал он.

– Нет, – хрипло ответила я, и откашлялась. А затем, тщетно пытаюсь убрать дрожь из голоса, добавила:

– Я полька.

– Сейчас в Нью-Йорке опасно быть русским, – сказал он и перевёл взгляд на дорогу.

Я выдохнула, стараясь, чтобы это прозвучало не слишком громко.

Только когда за мной закрылась дверь номера, и щёлкнул замок, я почувствовала себя в безопасности. Я прижалась к двери спиной и сползла вниз. Я попыталась встать, но ноги подвели. Поэтому я села на пол. Из глаз потекли слёзы, переходя в рыдания. Как же я испугалась! Я даже не пыталась сдерживаться, мне нужно было выплеснуть то, что накопилось за эти безумные дни. Я подползла к кровати и уткнулась в подушку. Я рыдала, пока не закончились слёзы, пока не засадило горло. Я чувствовала себя расплющенной, опустошённой. Сил не было даже пойти в душ. Наверное, я так бы и уснула, но тут зазвонил телефон.

Москва, Смоленская–Сенная площадь

10 августа

9.27

Может и не надо было слушать Гришку, с которым пять дней назад они обсуждали кандидатуру для отправки в Нью-Йорк. Конечно, польстило мнение вышестоящего, что его девочки самые сообразительные, вот и купился. Теперь нечего локти кусать. К тому же Берегова всегда казалась рассудительной и собранной. Вон и после развода не расклеилась. Хотя он видел, что переживала. И продолжает переживать. Он и думал, что ей на пользу пойдёт такое серьёзное и ответственное задание. Но как-то не подумалось тогда Ефимцеву, что его подчинённой тоже может грозить реальная опасность.

Константин Петрович открыл сейф, стоявший в углу кабинета, и достал из него бутылку коньяка и рюмку. Налил до краёв, залпом выпил. Поставил бутылку обратно в сейф. Ох, уж эти бабы, вытреплют все нервы, а ты переживай за них. Ефимцев чертыхнулся, снова достал бутылку из сейфа. И выпил ещё рюмку. Затем посмотрел время на мобильном телефоне и неодобрительно покачал головой. Достал из ящика стола пачку сигарет, зажигалку и пепельницу. Закурил, сделал несколько затяжек, стряхнул пепел и набрал номер. Спустя несколько долгих гудков Константин Петрович сделал ещё одну глубокую затяжку. Наконец, на другом конце ответили.

– Алё, – голос у Береговой был хриплый.

– Лиля, с тобой всё в порядке? – Спросил Ефимцев. – Ты где? Уже в гостинице или нет?

– Да. – Тихо ответила она.

– Что с голосом? Тебя душат? – Константин Петрович ещё больше сердился от того, что беспокоился.

– Я плакала.

– Сейчас не плачешь?

– Нет.

– Тогда докладывай.

Ефимцев слушал рассказ Лилии и морщился, напрягая слух. Обычно чёткая дикция и правильная речь Береговой сменилась сбивчивым шёпотом. Ему было жаль девушку, которая, кажется, сломалась под непосильным грузом. Но теперь уж ничего не поделаешь. Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов.

– Тебя понял, Берегова, ложись спать. – Он вздохнул. – Держись, девочка, от тебя сейчас слишком многое зависит. Ты слышишь, Лиля?

– Да, – тихо ответила она.

– Родина в тебе нуждается, за тобой Москва. Поняла?

– Так точно, – слабо улыбнулась она.

– Тогда до завтра. – Ефимцев положил телефон на стол и снова открыл сейф. Долго смотрел на бутылку коньяка, наконец, вздохнув, закрыл сейф на ключ.

– Держись, девочка, держись.

Константин Петрович сел за стол и поднял трубку стационарного телефона, ему предстояло передать информацию выше. Причём постараться продемонстрировать руководству положительную динамику.

Нью-Йорк, Отель «Уолкотт»

10 августа

8.00

Я проснулась от ласкового голоса Синатры, который пел о лунной реке и черничных друзьях. Уже восемь. Как быстро закончилась ночь. Я выключила будильник на телефоне и откинулась обратно на подушки. Чувствовала себя разбитой и очень хотелось прогулять. Внезапно вспомнился ночной разговор с Ефимцевым.

– Держись, девочка, за тобой Москва! – Повторила я и решительно откинула покрывало. Долго стояла под душем, чередуя обжигающе горячую воду с ледяной. Не то, что бы всё прошло, но определённо мне стало легче, по крайней мере, исчезло это невыносимое чувство обречённости.

Я вытерла волосы полотенцем и начала расчёсывать ещё мокрые пряди, как вдруг услышала стук в дверь и приглушённый голос. Я замерла и прислушалась. Точно, кто-то стучит и зовёт меня. Я обернулась полотенцем и вышла из ванной.

В дверь не просто стучали, она содрогалась под ударами. Снаружи звучали голоса, кажется, один из них принадлежал агенту Фэйссоберу.

– Кто там? – неуверенно спросила я.

– Лилиа? – Мне показалось, или в его голосе слышалось облегчение? – Откройте!

Я немного приоткрыла дверь и выглянула в коридор. На меня смотрели взъерошенный Майкл и служащий отеля.

– Что случилось? – Спросила я.

Но агент Фэйссобер, сообщив менеджеру, что всё в порядке, толкнул дверь и меня ею в номер. Затем закрыл дверь изнутри и прислонился к ней спиной.

– О, спасибо Господу, с вами ничего не случилось.

– А что со мной могло... – начала я и тут вспомнила свою кошмарную ночную поездку.

– Я в порядке, успокоила я его, вот только я не одета, а вы ворвались в мой номер, – я постаралась, чтобы слова прозвучали укоризненно, и отправилась в ванную одеваться.

Когда я вернулась, Майкл сидел на кровати спиной ко мне, сложив руки между колен и опустив голову. Услышав мои шаги, он обернулся.

– В аэропорту Алла Ромова села в такси, – сказал он, и мне стало холодно от его взгляда. – Когда я приехал, а вы не открывали, я вспомнил, что вы тоже вчера уехали на такси, и испугался.

У меня подогнулись ноги, и я села рядом с ним.

– Я тоже испугалась, – сказала я шёпотом. И, поддавшись внезапному импульсу, взяла его руку и сжала её. Мгновение спустя я ощутила сильное ответное пожатие, быстрый вздох и взгляд, скользнувший по мне.

Затем он резко встал и не глядя больше на меня пошёл к выходу. Не оглядываясь, резко бросил через плечо:

– Собирайтесь, я жду в машине.

Он вышел, а я так и осталась сидеть, пытаюсь понять, что же только что произошло, и почему он от меня шарахается.

Отель «Уолкотт»

8.57

Майкл сбежал. Это было самое настоящее бегство. От себя и от тех желаний, что внезапно настигли его. Точнее одного, откровенного плотского желания. Почувствовав спазм и представив русскую, обнажённую, распростёршуюся под ним, он сбежал, чтобы не завалить её прямо там, на полу или на кровати, или последовательно на всех поверхностях. Остановило его только сомнение в её согласии и страх унижения в случае её отказа. А может страх её согласия? Чёрт, как всё запуталось. Этому ему ещё только и не хватало. Вспоминая, как он барабанил в дверь её номера, как поднял на уши дежурного менеджера, Майкл почувствовал, как эти самые уши начали гореть от стыда.

Гоня от себя назойливые мысли и проклиная пылающие части тела, агент Фэйссобер спускался по лестнице. Он предпочёл этот долгий путь быстрому на лифте, чтобы дать себе время прийти в норму, а телу хоть какую-то физическую нагрузку. Хотя лучше всего сейчас было бы отправиться на пробежку вокруг квартала.

Майкл вышел на улицу, и прежде, чем сесть в машину, несколько раз глубоко вдохнул наполненный жарой и выхлопными газами воздух Нью-Йорка. Сначала нужно поймать маньяка, а уж потом разбираться со своими гормонами.

Всю дорогу до офиса они молчали. Майкл искоса поглядывал на Лилию, но та, кажется, не замечала его, отрешенно глядя в окно. Неловкость копилась, наполняя автомобиль. Майкл чувствовал себя глупо, потому что он ничего не сделал. Так и стыдиться вроде бы нечего. Но при этой мысли снова всплыли порочные образы, и жаркая волна прошла по телу, заставляя Майкла Фэйссобера, взрослого мужчину, агента ФБР почувствовать себя озабоченным подростком.

Неожиданно русская повернула голову, и их глаза встретились.

– Майкл, – сказала она, – извините меня, я глупо себя вела и напугала и себя, и вас. В общем, мне очень жаль.

Она улыбнулась. А Майкл смущённо кивнул и только и смог выдавить из себя:

– Всё нормально.

И действительно, всё вдруг опять стало нормальным, обстановка разрядилась, неловкость ушла. Майк облегчённо выдохнул. Ох, уж эти русские. И как у них так легко получается поставить всё с ног на голову и перевернуть обратно?

Городской морг Нью-Йорка

11.00

Это был мой второй визит в царство мёртвых. К счастью, в Москве мне не приходилось бывать в подобных местах. Сейчас я уже не чувствовала той прежней паники, но и особого желания смотреть на искорёженные тела не было. Я замечала обеспокоенные взгляды американца, и они заставляли меня держаться. Не хотелось бы ещё раз опозориться перед ним.

Нас пригласили в первую часть холодного помещения, «гостевую» как называли её работницы морга. Да уж с чувством юмора у них всё в порядке. Обстановка «гостевой» и её оборудование заставляли волосы на голове приподниматься. Женщина, вышедшая навстречу, по очереди пожала нам руки.

– Энни Уорхолл, – представилась она, – патологоанатом.

– Лилия Берегова, – ответила я, – временный консультант ФБР.

– Вы русская? – Она прищурилась и быстро взглянула на агента Фэйссобера.

Вот опять, уже второй раз за сутки меня об этом спрашивают, и мне снова хочется соврать.

– Её прислали из России наблюдать за ходом расследования и помогать по мере возможностей, – вмешался Майкл.

– Вы понимаете, что это опасно? – Глядя мне прямо в глаза, серьёзно спросила Энни Уорхолл. Я похолодела. Казалось, она знает что-то и пытается внушить мне какую-то мысль.

Какую? Бежать? Не выполнив задание руководства? Боюсь, в таком случае меня постигнет ненамного лучшая участь. И если бы пришлось выбирать между маньяком и преждевременным бегством на любимую родину, я вовсе не уверена, что предпочла бы родину. Я уже открыла было рот, чтобы ответить ей что-нибудь пафосное о долге и чести, об ответственности перед страной и согражданами. Но тут, разбивая возникшую напряжённость, открылась металлическая дверь внутреннего холодильника, и оттуда вышел работник морга, толкая перед собой каталку с телом в полупрозрачном пластиковом мешке.

– Это он? – Агент Фэйссобер, собранный и сосредоточенный, приоткрыл «молнию», открывая изуродованное тело.

– Белый, подросток, лет четырнадцать или пятнадцать, предположительно русский, – отчеканивая каждое слово, собранная и сосредоточенная, Энни Уорхолл начала доклад, лишь изредка заглядывая в папку, которую она взяла со стола у окна.

Боже мой, мальчишка, совсем ещё ребенок. Я бы не хотела сейчас оказаться на месте его родителей. Может и хорошо, что у нас со Славиком не было детей, мелькнула мысль, но я её прогнала, как неуместную. Ведь этому мальчонке медленно отрезали голову. Исключительно по той причине, что он родился русским.

Я уже хотела выйти под каким-нибудь благовидным предлогом, потому что смотреть и слушать больше не было сил. Но тут у меня в сумочке зазвонил телефон. Отлично. Я извинилась перед американцами и выскочила на улицу.

– Здравствуйте, Константин Петрович, – начала я, но он меня перебил.

– В номере тебя ждут бумаги. Поторопись, – и отключился.

За четыре года я уже привыкла к начальнику, к перепадам его настроения, резкости, и реагировала спокойно. В номере, так в номере. Надо дождаться Майкла и сообщить ему, только ждать буду на улице.

Кафе «Мейсон-Джар-Нью-Йорк»

13.22

Из морга мы сразу поехали ко мне в отель. Как и сказал Ефимцев, на столе в номере лежал жёлтый конверт. Поскольку уже было обеденное время, и желудок давно намекал, что пора бы перекусить, я предложила агенту Фэйссоберу ознакомиться с полученной информацией за едой. Майкл ждал внизу в машине, а я поднялась за бумагами.

Чуть позже, устроившись в небольшом кафе и заказав салат и сэндвич с ветчиной, я распечатала конверт. В нём лежали три отдельных документа с листами, скреплёнными степлером. На самом верхнем по-русски было написано: «Расшифровка интервью Марии Алексеевны Казаковой». Майкл выжидающе смотрел на меня.

– Здесь всё по-русски, – почему-то мне стало неловко перед американцем за то, что он не знал моего языка и поэтому был зависим от меня. – Давайте, я прочитаю, а потом вам перескажу.

– Хорошо, – как раз принесли наши сэндвичи, и Майкл принялся за еду.

«Расшифровка интервью с Марией Алексеевной Казаковой, 1999 г.р., проживающей по адресу: Российская Федерация, город Москва, улица Нижняя Хохловка, дом 106, корпус 2, квартира 87.

Интервью проходит в присутствии родителей Марии Казаковой Елены Николаевны и Алексея Геннадьевича Казаковых.

Интервью проводит сотрудник психологической службы ФСБ РФ Ирина Александровна Кочетова.

И – интервьюер

МК – Мария Казакова

И: Мария Алексеевна, вы недавно посетили Соединённые штаты Америки вместе с подругами Екатериной Егоровой, Евгенией Романовой и Ольгой Хохловой, правильно?

МК: Да.

И: В Нью-Йорке вы пребывали с двадцатого июля по второе августа и проживали в гостинице «Ренессанс», верно?

МК: Да.

И: Утром второго августа вы с Евгенией Романовой и Ольгой Хохловой улетели в Россию, без Екатерины Егоровой, почему вы оставили её?

МК: Она сама решила остаться, сказала, чтобы мы летели без неё.

И: Почему?

МК: Она познакомилась с мужчиной.

И: Расскажите об этом мужчине?

МК: Она познакомилась с ним где-то в городе, я не знаю точно. Мы с Ольгой решили поехать в музей естественной истории, а Женя с Катей хотели продолжать шопинг-тур. Ну, мы разделились и поехали. А потом, вечером, девчонки рассказывали про какого-то Джека, который их подвозил. С ним Катя общалась, потому что она лучше по-английски говорит. Она ему понравилась, и он попросил её номер. Она с парнем в Москве как раз рассталась. Ну, и написала ему телефон. Джек звонил потом. Она на свидание с ним ходила. А потом, когда уезжать собирались, Джек расстроился очень, потому что сюрприз ей какой-то приготовил. Ну, она и перенесла вылет. Она следующим вечером должна была лететь домой. Я вообще не знала, что случилось, пока из полиции не позвонили.

Конец расшифровки».

Интервью с Ольгой Хохловой, которое лежало ниже, я просмотрела, что называется «по диагонали», отмечая лишь ключевые слова: «музей», «шопинг», «симпатичный», «Джек», «попросил номер телефона», «сюрприз», «поменяла билеты». Смысл и содержание были теми же. Ольга, как и Мария, не видела американского мачо Джека, и строила впечатление о нём со слов Евгении и Екатерины.

Зато следующую расшифровку я прочла очень внимательно, надеясь, что в ней сумею найти хоть какие-то ответы.

«Расшифровка интервью с Евгенией Владимировной Романовой, 1999 г.р., проживающей по адресу: Российская Федерация, город Москва, Автомобильный проезд, дом 8, строение 7, квартира 192.

Интервью проходит в присутствии матери – Веры Анатольевны Романовой.

Интервью проводит сотрудник психологической службы ФСБ РФ Ирина Александровна Кочетова.

И – интервьюер

ЕР – Евгения Романова

И: Евгения, расскажите о том дне в Соединённых штатах, когда Ольга с Марией поехали в музей, а вы с Катей – по магазинам.

ЕР: Я тоже хотела поехать в музей, потому что уже устала от магазинов. Но Катя, она говорила, что Нью-Йорк – столица мировой моды и стиля, что перед нами уникальная возможность приобщиться к нему, мы для этого и приехали. А музеи – это ерунда, везде одно и то же – картины, статуи, скука. В общем, я поехала с ней. Она умела уговаривать.

И: Как вы познакомились с Джеком?

ЕР: Он водитель такси, на котором мы ехали. Он спросил, русские ли мы. Катя сказала, что да. А я добавила, что я наполовину украинка, у меня ведь мама из Харькова. Джеку понравилась Катя. Он выключил счётчик и просто возил нас по городу. В одном бутике мы даже устроили ему показ мод. Правда, потом нас выгнал менеджер, потому что мы сильно шумели.

Мы много разговаривали и смеялись, нам было весело. А потом Джек привёз нас к гостинице, и Катя написала номер своего телефона. Помадой на стекле.

И: Как фамилия Джека?

ЕР – Я не знаю. Мы не спрашивали.

И – Как он выглядел?

ЕР – Он высокий, сильный. У него короткие волосы, такой «ёжик». Светлые, но не блондин, темнее. А глаза голубые или серые, или серо-голубые.

И – Во что он был одет?

ЕР: Джинсы светлые, оранжевая футболка и голубая рубашка с короткими рукавами. Ещё между сиденьями лежала бейсболка, но он её не надевал.

И: Номер такси вы запомнили?

ЕР: Нет.

И: А где вы поймали такси?

ЕР: На пересечении пятьдесят девятой и Лексингтон, мы как раз вышли из «Блумингдейла»... Это Джек её, да?

И: Мы пока не знаем.

ЕР: Скажите, а если бы мы не уехали без неё...

И: Это бы ничего не изменило. Мне очень жаль.

Конец расшифровки».

Я подняла взгляд на Майкла. Он пристально смотрел на меня, вопросительно, выжидающе, казалось, ухватывая каждую мою мысль, каждую эмоцию.

– Это наш таксист. – Я помолчала, анализируя про себя факты и выкладывая из них пазл. – Я уверена, что это он, таких совпадений просто не бывает.

– Мне нужны подробности, – сказал Майкл.

И я снова начала читать и переводить американцу расшифровки интервью с подругами Кати Егоровой, которых теперь осталось трое.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке

16.00

Где-то на пути из отеля в кафе или из кафе в офис ФБР в моей сумке оказался ещё один документ, сложенный вдвое. Я уже перестала удивляться способностям русских шпионов. Или правильнее будет сказать разведчиков? И просто заглянула в бумаги. Это было досье на Владислава Александровича Павлова, четырнадцати лет, проживающего, точнее уже проживавшего по адресу: Самарская область, город Чапаевск, улица Нахимова, дом 56. Четвёртая жертва.

Владислав путешествовал с родителями. Семья Павловых остановилась в отеле «Блэйкли» на 55-й улице. Как только агент Фейссобер закончит доклад начальству, мы отправимся туда.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке

16.00

Шеф сидел в своём кресле, откинув голову на спинку, и размышлял над информацией, полученной от агента Фэйссобера. Джереми Батлер руководил своим подразделением более десяти лет, но с таким откровенно дерьмовым делом он сталкивался впервые. Четыре трупа с политическим мотивом. Отношения с русскими на грани третьей мировой войны. Его собственное начальство рвёт и мечет, ежечасно требуя отчёты. Контроль сверху давил так, что иногда казалось, ему не выдержать. «Может пора уже на пенсию, Джер?», – спрашивал он себя в минуты отчаяния, которые в последние дни случались как никогда часто. Он чувствовал, что не справится с этой ситуацией. Джереми Батлер привык всегда и всё контролировать, как

работу своего подразделения, так и семейную жизнь с Айприл и мальчиками. А сейчас он явно не справлялся. И ситуация вышла из-под контроля.

Майкл Фэйссобер сидел за столом для совещаний и наблюдал за шефом. За шесть лет он сумел неплохо изучить мимику Батлера. Сейчас тот находился в отчаянии и выглядел на все свои шестьдесят два.

– Всё не так плохо, как кажется, – попытался приободрить его Майкл, – у нас есть видео с ним, я привлечу ребят шерстить службы такси. Дело сдвинулось, шеф, и русская...

– Вот именно, русская! – Перебил его Батлер, вскочив с места, его лицо перекошилось яростью. – Где она сейчас?!

– Здесь. – Майкл не мог понять, из-за чего шеф так взвился на русскую.

– Ты оставил её в своём кабинете? За своим столом?! – Голос у Джереми Батлера всё повышался и в итоге дошёл до фальцета.

Майклу стало бы смешно, если б он не испугался, что у шефа сейчас случится инфаркт.

– А ты знаешь, что все русские – хакеры? И один из них сейчас находится в офисе ФБР и возможно уже скачивает наши секретные файлы. – Шеф, наконец, выдохся и обессиленно опустил в своё кресло.

Майкл подскочил и налил ему воды. Батлер взял стакан трясущейся рукой и достал из ящика стола пузырёк с таблетками. Положил в рот две пилюли и запил водой. Затем бросил пузырёк обратно в ящик. Всё это время они оба молчали.

– Я не думаю, что эта русская – хакер, – спустя время сказал Майкл.

– Я тоже так не думаю, – тяжело вздохнул шеф, – но ты всё же проверь. Ты должен предусматривать любое развитие событий. Зачем-то её же прислали.

– Кстати, она весьма толковая, – улыбнулся Майкл, – и оказалась неплохим напарником.

Шеф удивлённо посмотрел на агента Фэйссобера, но тут же опустил взгляд на свои руки, которые уже почти не дрожали.

– Надеюсь, Майк, ты знаешь, что делаешь, – сказал шеф Батлер, и Майкл вышел за дверь.

Отель «Блэйкли»

18.32

Родителей Влада Павлова в гостинице не было. Менеджер отеля рассказал нам, что после того, как пропал мальчик, Алина и Александр Павловы большую часть этих двух дней провели в полицейском участке. И сейчас находились там же.

Я предложила Майклу подождать их здесь, но он решил отправиться в офис ФБР и раздать задания своей группе. Из аэропорта прислали ещё записи с камер, а это гигабайты видео, которые надо срочно просмотреть. А также необходимо было связаться со всеми службами такси Нью-Йорка и пригородов и опознать, наконец, этого выродка.

Павловых я узнала сразу, едва они вошли в высокую двухстворчатую дверь. Что-то отличало их от других посетителей. Что-то в их осунувшихся лицах или сторбленных плечах.

Я поднялась им навстречу.

– Вы родители Владислава Павлова? – Я сразу поняла, что совершила ошибку. Что не нужно было самой заговаривать. Что нельзя было упоминать их мёртвого сына.

В их лицах загорелась надежда, вспыхнула спичкой, ярким всполохом в непроглядной тьме ужаса их последних дней.

– Владик жив? Где он? Что с ним? – Они не спрашивали – они пытали, они требовали, перебивая друг друга, хватая меня за руки. Я растерялась и немного испугалась. Бурное действие, в эпицентре которого я оказалась, привлекало внимание. На нас смотрели и обсуждали.

– Прошу прощения, мистер и миссис Павловы, – сильная рука Майкла расцепила наше трио и освободила меня, – я агент Фэйссобер, Федеральное бюро расследований. Я занимаюсь делом вашего сына.

Он показал удостоверение. Спичка погасла так же резко, как и зажглась. Павловы переглянулись между собой, затем Александр спросил:

– Он мёртв?

– Мы можем поговорить в спокойном месте? Без свидетелей. – Предложил Майкл. – Может быть, у вас в номере?

– Идёмте, – Александр сделал жест в сторону лифта и взял за руку жену.

– Саша, – с надрывом позвала Алина Павлова.

– Всё будет хорошо, – солгал он.

Пока мы поднимались на пятый этаж, я думала о Майкле. Как же вовремя он появился. Не знаю, что бы я стала делать. Скорее всего раскололась бы. И Алина устроила бы истерику прямо в вестибюле среди персонала и гостей отеля. Или кому-то из них стало бы плохо. Вдруг у Александра слабое сердце или диабет, или ещё что-то, негативно реагирующее на стресс. Я нафантазировала себе ужасов и совсем расстроилась. Вот зачем полезла. Я в этом ничего не понимаю. Нужно было дождаться Майкла или позвонить ему и спросить, что делать. Вот такие ситуации отчётливо демонстрируют, что он профессионал, а я всего лишь дилетант. Если он решит после устроить мне взбучку, приму, как заслуженное порицание. Потому что сейчас я действительно накосячила. Я искоса взглянула на Майкла. Он был хмур и сосредоточен. В общем-то, обычное его состояние. И не поймёшь, сердится на меня или нет.

Лифт остановился. Я выходила последней, медлила, стараясь оттянуть момент, когда Владик окончательно умрёт для родителей.

– Мне очень жаль, – начал Майкл, когда все мы расселись.

– Прошу прощения, – Алина вскочила и убежала в ванную.

Мы все проводили её глазами, в наступившей тишине было слышно, как щёлкнул замок.

– Владик жив? – Спросил Павлов таким тоном, что было понятно, он знает ответ, но ещё не может в это поверить.

– Александр Геннадьевич, Владика больше нет. – Сказала я по-русски и встретила его взгляд. – Я вам соболезнаю.

– А вы кто? – Как я и ожидала, он удивился русской речи и отвлёкся от главного.

– Я прилетела из Москвы, меня зовут Лилия Берегова. Я помогаю ФБР в расследовании. Из ванной вышла Алина с заплаканными глазами, она обняла мужа и прижалась к нему.

– Мы так боялись, – он закрыл лицо ладонями и зарыдал.

– Мы так этого боялись, – всё повторял он.

– Он стал четвёртым? – Спросила Алина у меня.

Я кивнула.

Агент Фейссобер, не понимавший о чём мы говорим, счёл нужным вмешаться:

– Мистер и миссис Павлов, я прошу вас рассказать о вашем пребывании в Нью-Йорке, начиная с момента прилёта.

Павловы давно хотели в Америку, копили деньги. Даже Владик откладывал из своих карманов и того, что перепадало от бабушки с дедушкой. Владик был спокойным воспитанным мальчиком, он любил читать. Причём бумажные книги. За лето он всегда успевал прочесть всё из списка рекомендованной литературы. Вот и сейчас, когда подошло время поездки, у него остался только «Евгений Онегин». И Владик взял книгу с собой, чтобы почитать в самолёте. В аэропорту одна сотрудница из службы досмотра даже восхитилась, что мальчик в таком возрасте с интересом читает русскую классическую литературу.

В Нью-Йорке Павловы активно осваивали культурную программу: побывали на обзорной экскурсии, посетили несколько музеев, в том числе по просьбе Влада – литературный музей Пушкина и Публичную библиотеку. Они катались на пароме, ходили по магазинам известных брендов, воздавали должное гастрономическому многообразию. В общем, эта поездка имела все шансы стать лучшей в их жизни, но спустя четыре дня Владик пропал.

Было около пяти часов пополудни. Павловы только вернулись в гостиницу после насыщенного дня. Влад захотел кока-колы, но в холодильнике её не оказалось. Он обулся и отправился в продуктовый магазин. Родители его отпустили, потому что устали, потому что ему уже четырнадцать, а магазин совсем рядом, и дорогу к нему из гостиницы Павловы уже хорошо изучили. И они не беспокоились и даже начали дремать. Как вдруг Алина заметила, что прошёл почти час, а Владик всё ещё не вернулся. Мать побежала в магазин. Там его не было. Все поиски не дали результата. Потом были полицейские, множество бумаг, несколько опознаний мёртвых мальчиков схожего возраста.

И Александр, и Алина корили себя, что отпустили Влада одного. Каждый считал именно себя виновным в потере ребёнка. Возможно, это спасёт их брак, было бы гораздо хуже, если бы они обвиняли друг друга. Ведь Владик был их единственным сыном.

11 августа

Отель «Уолкотт»

00.03

Я долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок. Моя любимая столетняя футболка для сна ложилась подо мной бесконечными неудобными складками, и не успевала я расправить одну, как в другом месте собиралась следующая. Наконец, сдавшись, я сняла футболку и решила спать нагишом. Но и это не помогло. В голову лезли мысли о Павловых, об их счастливым семейном отдыхе, о мальчишке, читающем Пушкина.

Поняв, что не усну, я взяла мобильник. Уже начался следующий день. Можно звонить в Москву. Я откинула покрывало и подошла к окну. Снаружи доносились звуки неспящего города. Проезжали автомобили, где-то раздался женский смех, гавкнул пёс, которого вывели погулять по ночной прохладе. Вот поэтому я и люблю большие города, жизнь в которых не прекращается ни днём, ни ночью.

Я прижалась лбом к прохладному стеклу и набрала номер Ефимцева.

– Лиля, – обрадовался мне начальник, – как ты там?

– Нормально, сегодня мы разговаривали с Павловыми. Они очень переживают.

– Да, – вздохнул Константин Петрович, – потеря единственного сына – тяжкое испытание. Но хандрить ты брось, твоя задача – работать мозгами и быть объективной. Как там твой фэбээрошник, какие у него версии?

– Константин Петрович, он не мой.

– Да, ладно, только и слышу, что «Майкл», да «мы с Майклом», – по голосу было слышно, что он улыбается, подтрунивая надо мной. И я была благодарна за эту попытку вывести меня из обители мрачных мыслей.

– Он отработывает службы такси, а также видео из аэропорта с другими жертвами. Информации много, ему выделили рабочую группу.

– Ну, наконец-то, выделили, – недовольно хмыкнул Ефимцев, – долго же тянули.

Я рассказала Петровичу все детали и события прошедшего дня и словно почувствовала себя освобождённой. Добравшись до кровати, я мгновенно провалилась в сон.

Временный офис ФБР в Нью-Йорке

10.49

С утра я окунулась в удивительный мир живой природы аэропорта. Записи с камер наблюдения безмолвно фиксировали все трагедии, драмы и комедии человеческих судеб. Моя фантазия дополняла остальное и сочиняла сюжеты. Вот женщина обнимает мальчика лет десяти, а он нетерпеливо вырывается и бежит к высокому толстяку. Наверное, родители в разводе, и сын проводит первый отпуск с отцом за границей. Мужчина с мальчиком уходят, а женщина плачет, сидя в пластиковом кресле. А вот два худеньких паренька обнимаются и целуются, издали не слишком хорошо видно, но, думаю, взасос. А эта девушка, похоже, провожает солдата. Наверное, на очередную бессмысленную и жестокую войну. Вернётся ли он? Дождётся ли она?

– Лили, привет! – Прервал мои раздумья смутно знакомый голос.

Я обернулась, ко мне лавировала между столами Сара Коннел, криминалист. Мы познакомились, когда нашли тело Влада Павлова в Центральном парке. Наверное, тот день я пережила только благодаря Саре. Она была милой и весёлой, несмотря на свою мрачную профессию. Он не могла выговорить ни моё имя, ни фамилию, поэтому окрестила меня «Лили». И с её лёгкой руки или длинного языка, так меня начали называть и многие из группы агента Фэйссобера, конечно, кроме него самого.

– Привет, Сара, – я была рада отвлечься от монотонной работы, тем более глаза уже устали от бесконечного взглядывания в окрашенные всеми оттенками серого терминалы и коридоры аэропорта.

– Может, пойдём, выпьем кофе, пока ты не успела взломать секретные коды, – предложила она.

– Какие ещё коды? – После двух часов просмотра безмолвного видео я слегка тупила.

– Каждому известно, что русских нельзя пускать за компьютер, потому что вы сразу начинаете красть секретные данные. Это у вас на уровне рефлексов, – она засмеялась.

Я тоже усмехнулась больше её заразительной улыбке, чем шутке. А может и не шутке, кто знает этих американцев, что они имеют в виду.

– Ты это серьёзно? – На всякий случай уточнила я.

– Конечно, если об этом говорит телевидение и пишут газеты, значит, это истинная правда. – Она снова засмеялась. – Ты бы сейчас видела своё лицо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.